

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

БАБЬЕ ЦАРСТВО

русский парадокс

Эдвард Станиславович Радзинский

Бабье царство.

Русский парадокс

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39417965

Бабье царство. Русский парадокс / Радзинский Е.С.: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-082267-6

Аннотация

Это был воистину русский парадокс. В стране «Домостроя», где многочисленные народные пословицы довольно искренне описывали положение женщины: «Курица не птица, баба не человек», «Кому воду носить? Бабе! Кому битой быть? Бабе! За что? За то, что баба», – весь XVIII век русским государством самодержавно правили женщины – четыре Императрицы и две Правительницы.

Начинается воистину галантный русский век – первый и последний век, когда Любовь правила политикой... И фавориты порой выпрыгивали из августейших постелей прямоком во власть. И за всеми нашими императрицами стояла гвардия, детище Петра, весь век галантно сажавшая наших дам на трон – иногда не без крови.

Содержание

Часть 1. Правительница Софья	8
Глава 1	8
Московия	8
Родовые муки Смутного времени	10
Царь семьи: как бить женщину	13
Русский парадокс	14
«Тишайший» отец разрушителей Московии	15
Полки иноземного строя	16
Дух беспощадного бунта	17
Жены Тишайшего	18
«Нарышко»	19
Дети Милославской	20
Дети Нарышкиной	21
Рождение разрушителей древнего порядка	22
Битва семей	23
Рожденная для монастыря	24
Глава 2	26
Затворницы	26
Опасная любовь	27
Солнечный удар	28
Путь во власть	30
Бунт Софьи	31
Бунт беспощадный	33

Трон на двоих	37
Московская революция: баба – правительница	38
Пролог феминистской революции	40
Мужской мятеж: князь Хованский	40
Бабий сюрприз	41
И снова – торжество Софьи	42
Царская потеха долговязого подростка	44
Любовь и политика	45
Мечтатель на Руси	46
Мать городов возвращается на Русь	48
Петр меж тем вырос...	48
Московское гетто – немецкая слобода	49
Немецкие уроки	51
Как стремительно летит время	51
Предтечи русской гвардии	53
Сподвижники собираются. Швейцарец	53
Лефорт	
Маленькая победоносная война	55
Крымское ханство	55
Опасливый полководец	56
«Без нужды не предам!»	57
Баба при двух царях	59
Женщина побеждает правительницу	60
Сражение села с Кремлем	62
Убить медведицу и медвежонка	64

Бегство... на трон	65
Правительница становится самозванкой	66
Часть 2. Великий преобразователь	69
Глава 1	69
Расправа нового царя	69
Никакой правительницы Софьи на Руси не было	70
Взгляд на племянника из монастыря	71
«Народ этот... только в рабстве богат и счастлив»	72
Кукуйская царица	73
Самодержец	74
Призрак стрелецкого бунта	75
Царство кнута: «Слово и дело государево»	76
Конец заговора	77
Покойника везут свиньи	78
Гнать страну в будущее – сапогом	78
Освоение Европы урядником Михайловым	80
Опасная тетка	82
Путешествие преобразователя	82
Европа как образцовая фабрика	83
И снова стрелецкий бунт	84
«Мин херц» Алексашка	86
Странные отношения с Петром	88
Конец Московии: финал сакральной бороды	90

Постригши бороды, царь принялся за головы	92
Стрелецкая казнь	93
Жизнь в монастыре	95
Новая феминистская революция	95
Варварские ассамблеи	96
Всешутейший, всепьянейший и воистину – сумасброднейший собор	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Эдвард Радзинский

Бабье царство.

Русский парадокс

*Империя, оставив нору кротью,
Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
Своих пяти императриц.*

*Максимилиан Волошин,
«Китеж», 1919*

Часть 1. Правительница Софья

Глава 1 Женщина в Московии

Московия

В XVI веке на краю христианской Европы из тьмы Азии поднялся колосс – Русское Государство. Иноземцы называли его Московией по имени Великого княжества Московского, создавшего это Государство.

Московские Государи правили необъятной державой, расширившейся в XVI веке до невиданных в Европе размеров. Всю эту бескрайнюю страну они считали своей вотчиной, где Государь – Хозяин земли, а народ – пришельцы, живущие на *его земле по его воле*.

В стране существовало крепостное право. Большая часть населения находилась в крепостном рабстве. Крепостные принадлежали боярам (родовой аристократии) и дворянству (военным и служилым людям – чиновничеству). Если жизнь крепостных рабов была в полной власти их господ – бояр и дворян, то жизнью самих бояр и дворян полностью распоря-

жался московский Государь. Для него бояре и дворяне – такие же рабы, как для них – их крепостные. И потому бояре и дворяне, как и весь народ, в прошениях Государю («челобитных») писали: «Се яз холоп твой...» (то есть «я, раб твой»). «Жаловать и казнить своих холопов мы вольны», – говорил о боярах и дворянах Государь Иван Четвертый, которого народ справедливо прозвал Грозным. В XVI веке немецкий путешественник с изумлением наблюдал, как посаженный на кол боярин, умирая в невыразимых муках, славил своего Государя, приказавшего посадить его на этот кол. Другой боярин объяснил чужеземцу: «Мы служим нашим Государям не по-вашему...» Но так в Московии служили только истинным Государям, то есть беспощадным и грозным. «Как конь под Царем без узды, так и Царство без грозы», – учил Иван Четвертый Грозный. Повелители Московии хорошо помнили опасную народную мудрость: «У народа нашего два пути: или пасть в ноги, или кулаком в зубы...»

Падение Византии – этого сердца Православия, наставницы Руси в христианстве – сделало Московскую Русь единственным оставшимся православным Государством. И московские владыки объявили себя прямыми наследниками павшей Империи. .

С 1547 года Государи всея Руси величали себя Царями (от общеславянского слова «цьсарь», которое, в свою очередь, восходит к латинскому Caesar – Цезарь) и Самодержцами (Автократорами, как византийские императоры).

При первом Царе Иване Четвертом (Грозном) была сформулирована мистическая доктрина Московского Государства, подчеркивающая религиозный смысл его существования: «Москва – это Третий Рим». Был первый Рим – Рим Цезарей. Он пал. Была Византия – наследница Рима. И она погибла. Теперь наследницей павших великих Империй стала Москва, Третий Рим и он же последний, ибо четвертому Риму не быть. Московское Царство объявило себя вечным.

Но уже в самом начале XVII века Московское Царство пережило чудовищную катастрофу, именуемую в русской истории «Смутой».

Родовые муки Смутного времени

Пресечение древней династии Рюриковичей на русском престоле, самозванец, захвативший московский трон, клятвопреступления боярства и духовенства, гражданская война и крестьянские восстания – все это сотрясало Русь. Крепостное право мстило чудовищной жестокостью восставших рабов. Страна потонула в беспощадном кровавом бунте. По словам летописца, «население спасалось в лесах, потому что среди диких зверей в лесных чащобах было безопаснее, чем среди одичавших, обезумевших от крови людей... Но и там шла охота за людьми, как за зверями... И ночью небо озарялась не луной, а пожарами... Грабители сжигали все, что взять не могли». «Да будет Русь пустыней необитаемую».

Одновременно на Московию обрушилось нашествие чужеземцев – поляков и шведов... Но как писал свидетель тогдашних ужасов Авраамий Палицын, чьи слова приводит наш историк Карамзин: «Видя сию неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: что же будет нам от Россиян, когда они и друг друга губят с такою лютостию?»

С трудом устояло Московское Царство. Народное ополчение усмирило страну, изгнало захватчиков. Измученная Русь обретала покой. Но города, столица, царские дворцы Кремля лежали в развалинах. Под стать разрушенной стране было и состояние общества. Казалось, политическая, социальная и экономическая катастрофы, духовные потрясения народа сломали прежнюю жизнь, построенную на крепостном рабстве и безграничном подчинении народа своим самодержцам. Смута должна была заставить общество извлечь уроки из пережитого бедствия, чтобы народ начал возводить новую жизнь на новых основах...

Ничего подобного не случилось. Уже во время избрания нового Царя восторжествовали старые идеи. Земский Собор (собрание представителей всех слоев населения, кроме крепостных крестьян) избрал Царем шестнадцатилетнего отрока из боярского рода Романовых. Новый Царь Михаил Романов не отличался ни заслугами перед Отечеством, ни умом, ни опытом зрелого возраста. Главной причиной его избрания было родство бояр Романовых с прежней вымершей династией Рюриковичей. Вместо достойнейшего на престол по-

садили «прирожденного Царя», подчеркнув этим выбором верность прежней жизни, верность самодержавию Московии. Сохранили и одну из главных причин Смуты – крепостное право. Больше половины соотечественников по-прежнему остались бесправными, безземельными рабами бояр и дворян. Взглядов общества Смута не переменила...

В первые годы юный Царь правил по-новому – вместе с Земскими Соборами. Голосом земли, плодом народной активности мог стать этот русский парламент. Но ему пришлось умереть... Это случилось, когда из польского плена возвратился в Москву отец молодого Царя Филарет Романов. Филарет стал Патриархом и соправителем сына, а на самом деле – истинным правителем Руси. «Великий Государь и Святейший Патриарх» – так он именовался в правительственных указах. Властолюбивый Филарет перестал созывать Земские Соборы и окончательно вернул древнее самодержавие московских Царей.

Родовые муки Смуты закончились ничем. После всех кровавых испытаний Московское Царство родило того же ребенка – азиатское самодержавие.

Вот почему в XVII веке уже мерещится призрак будущего 1917 года – новой русской Смуты. И в Ипатьевском монастыре, где был призван на Царство Михаил Романов, таится тень Ипатьевского дома, в котором зверски убьют Николая Романова, последнего Царя.

Царь семьи: как бить женщину

Продолжением самодержавного Государства в Московии была семья. В ней самодержавно правил царь семьи – муж. В его полном подчинении находилась жена, считавшаяся опасной и грешной потомицей прародительницы Евы. Муж неотступно следил за потенциальной грешницей. В боярском доме не было зеркал, чтоб наследницу Евы не соблазнила собственная красота. Через слюдяное оконце глядела на мир затворница боярыня. Днем ее занимали хлопоты по дому – она следила за служанками, занималась рукоделием, сказки слушала да песни пела вместе с крепостными девками. Или, что бывало чаще, томительно бездельничала, отрачивая плоть. «Женщина считается красавицей, если ее не могут поднять два верблюда» – эта восточная мудрость была актуальна для Руси.

Главным Уставом нравственной семейной жизни являлся знаменитый «Домострой» – «Книга, содержащая в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину – мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам». Этот был сборник наставлений и правил по всем вопросам жизни.

«Домострой» создавался в течение столетий. В XVI веке он был окончательно отредактирован монахом Сильвестром, духовником царя Ивана VI.

По «Домострою» во главе дома стоял грозный самодержец – муж. «Домострой» учил семейного самодержца строго управлять подданными – слугами и женой, «бия и наказуя»... «Бия по телу, спасаешь душу» – говорила тогдашняя мудрость. «Домострой» заботливо объяснял мужу, как ему правильно бить жену, чтобы, спасая ее душу, не покалечить принадлежащее мужу «живое имущество» – ее тело. «Стегать надо плетью», но не забывать, что «по уху и лицу не бить – *ни кулаком ни посохом*... Люди разумные и добродетельные, сняв с жены рубашку» (тут не эротика, так добро сохраннее), «бьют ее при людях, а не наедине. И побив «бережно плеткой», умеют потом простить жену и помириться. Древняя русская пословица утешительно объясняла избитой жене: «Бьет – значит любит».

Много тогдашних народных пословиц искренне описывают отношение к женщине. «Курица не птица, баба не человек», «От нашего ребра нам не ждать добра», «Баба да бес – один в них вес», «Кому воду носить? Бабе. Кому битой бить? Бабе. За что? За то, что баба». «Бабий быт за все бит».

Русский парадокс

И вот при таком отношении к женщине в стране «Домостроя» весь XVIII век русским Государством будут самодержавно править четыре Императрицы и две Правительницы.

Это парадоксальное женское нашествие на русский трон традиционно считается результатом деятельности нашего великого преобразователя Петра I. На самом деле поход женщин во власть состоялся еще до царствования Петра.

Женщину, начавшую разрушение женского бесправия в Московии, звали Софьей.

«Тишайший» отец разрушителей Московии

Михаил был первым Царем из новой династии Романовых. После его смерти на престол вступил его сын – Царь Алексей Михайлович. Он и стал отцом обоих разрушителей Московии – Софьи и Петра.

«Тишайший» – под таким прозвищем Царь Алексей Михайлович Романов вошел в нашу историю. И действительно, в работах многих историков вы прочтете о добрейшем характере скромного, кроткого, благодетельного Царя. Этот образ был особенно любим последним Царем из династии Романовых – Николаем Вторым. В его честь Николай Второй назвал Алексеем несчастного Наследника...

На самом деле Царя Алексея Михайловича часто охватывали приступы неудержимого гнева. И тогда Тишайший беспощадно драл боярские бороды, пинками выгонял из комнат прогневавших его бояр, изобретательно сквернословил. Мог назвать «сукиным сыном» всемогущего Патриарха Никона и

прогнать того с патриаршества. Мог щедро надавать пощечин своему тестю, старику боярину Милославскому. Страшен бывал в гневе Царь Алексей. Боярам приходилось звать лекаря – пускать кровь бушующему Тишайшему.

В политике Тишайший проводил беспощадную централизацию Власти. При нем заработал могущественный приказ Тайных дел – прообраз жесткой тайной полиции XVIII века.

Полки иноземного строя

Как все Романовы, Тишайший был воинственен. Он сумел провести реорганизацию русской армии.

В те годы в Европе закончилась Тридцатилетняя война, и множество офицеров оказалось не у дел. Царь звал их на Русь и щедро платил. В Московии наряду со старинным московским войском – стрельцами существовали современные полки Иноземного строя... Там и служили прибывшие иноземцы. Пришлось им «понюхать пороха» на русской службе. Все царствование Тишайший вел войну за войной – с Польшей, Швецией, Турцией, сам участвовал в походах. Но все его войны были неудачны.

Одновременно Тишайший беспощадно усмирал постоянные бунты русских крепостных рабов. Здесь он был счастливее.

Дух беспощадного бунта

Доведенные до отчаяния крепостные рабы бежали на Дон — становились казаками. Казачьи отряды ходили в знаменитые «воровские походы», жестоко и дерзко грабили и родную Русь, и ее соседку Персию... Одна из шаек под водительством донского казака Степана Разина превратилась в грозную силу... Две тысячи отчаянных головорезов были под началом Степана... Голландский путешественник Ян Стрейс описал разинскую жестокость, ставшую знаменитой русской песней.

Шайки Разина на ладьях разгромили персидский флот в знаменитом бою у Свиного острова. В плен попали сын и дочь персидского командующего флотом Мамед-хана. Разин сделал красавицу-дочь своей наложницей. Ян Стрейс рассказывает: «На ней были одежды, затканые золотом и серебром, была она убрана жемчугом и алмазами, как королева». Но не знающая русского, безмолвная, покорная восточная дева скоро надоела атаману. И однажды пьяный разбойник, придя в обычное яростное буйство, обратился с проникновенной речью к... Волге-реке (!): «Волга, матушка! От тебя я получил много золота и серебра, ты отец и мать моей славы! Плюнь на меня за то, что я не принес ничего тебе в жертву. Не хочу быть более неблагодарным!» И схватив

княжну одной рукой за шею, другой за ноги, поднял как пушинку и швырнул в Волгу».

Большой кровью царским войскам удалось разгромить шайки Разина. Только тогда донские казаки поспешили пленить и выдать удалого атамана.

Степан Разин был доставлен в Москву и после жестоких пыток четвертован на Красной площади. Тело Степана бросили в канаву на съедение псам. Отрубленные руки, ноги и голова атамана были воткнуты на пять кольев... И целый год смотрели на прохожих на Болотной площади. Тело Степана бросили в канаву на съедение псам... Но согласно народной вере, мятежный дух Разина поселился на волжской скале и ждет не дождется своего часа зажечь новый народный пожар.

И только жестокая сила русских самодержцев не давала выйти на волю этой разгульной стихии беспощадного народного бунта.

Жены Тишайшего

Тишайший обладал московской боярской красотой – огромным животом, необычайным даже для Руси. Первым браком Царь был женат на красавице Марье Милославской – деве, под стать ему, весьма пышной. После ее смерти Царь вдовствовал восемь месяцев. А затем, по древнему

обычаю русских Царей, множество красивейших девиц свезли в Москву – на смотрины. Сохранился длиннейший список претенденток на сердце Тишайшего. Боярская комиссия осмотрела прибывших и отобрала достойнейших в соответствии с царскими пожеланиями. Дальнейший смотр продолжался полгода. Все это время красавиц возили во дворец к Государю, после чего одних отправляли домой, а других оставляли для продолжения осмотра...

Наконец однажды ночью состоялся финал: когда красавицы спали (точнее, притворялись спящими), в опочивальню пришел Царь вместе с доктором. Осмотрев девичьи лица, он выбрал в жены темноволосую и, конечно же, пышнотелую и пышногрудую Наталью Нарышкину.

Притворялись не только красавицы – притворялся и Царь. На самом деле все уже давно было решено, и Наталья Нарышкина – красавица, воспитанница и родственница главного царского советника боярина Артамона Матвеева – была избрана давно...

«Дочь худародного дворянина» – так писали о ней историки, стараясь не углубляться в генеалогию Царицы. Потому что, возможно, произошла накладка, непростая для Руси.

«Нарышко»

Родословная Нарышкиных туманна.

По одной версии Нарышкины вели свое происхождение от аристократии германского племени наристов (норисков – Norisken), упомянутых Тацитом в Трактате о происхождении германцев... По другой – родоначальником Нарышкиных был знатный крымский татарин Мордка Курбат, по прозвищу «Нарышко».

Но по третьей, неофициальной версии, этот Мордда Курбат был потомком крымских караимов.

Караимы – загадочная еврейская религиозная община, осевшая в Крыму в XII веке. Так идентифицировали караимов до XIX века. И Романовы не забывали о матери родоначальника Империи. Видимо, поэтому, к примеру, при Екатерине Великой жесткие ограничения в отношении евреев на караимов не распространялись... Впрочем, уже в XIX веке все большее влияние приобретает теория, относившая караимов к тюркским народам... И закрывавшая тем самым вопрос, весьма щепетильный для России.

Дети Милославской

Тишайший любил своих жен. В общей сложности Царь имел шестнадцать отпрысков: тринадцать – от первой жены Милославской, троих – от Нарышкной.

Двое мальчиков, рожденные Милославской, будут цар-

ствовать. Но какими жалкими они были! Федор – застенчивый, добрый, вечно больной, подслеповатый. Младший его брат Иван – кроткий полуидиот с застывшей улыбкой, в шесть лет издававший мычание вместо речи.

Из дочерей, рожденных Милославской, выжили шесть. Одна из них, третья дочь, Царевна Софья, была некрасива, но зато здорова и очень умна. Софье и предстояло осуществить первое разрушение древнего порядка Московии.

Дети Нарышкиной

Вторая жена, Наталья Нарышкина, родила Тишайшему троих детей, но выжили двое – Наталья и Петр. Зато какие они были крепкие! Не очень верилось двору, что у сорокадвухлетнего, по тогдашним меркам старого, часто болевшего Царя могли родиться такие здоровые и сильные дети. Так что сплетня приписывала рождение нарышкинских детей одному из влиятельнейших бояр, великану Стрешневу. Он опекал и заботился о Петре с раннего детства. И впоследствии, став Царем, Петр весело приставал к Стрешневу: «Ну, погляди, Тихон, на Мусина-Пушкина (это был незаконный сын Царя Алексея Михайловича), он хоть знает, что он царский сын, а вот чей сын я?!»

На самом деле Петр, рожденный Нарышкиной, как и Царевна Софья, рожденная Милославской, конечно же, были детьми Царя Алексея Михайловича. Но не легендарного Ти-

шайшего, а подлинного Царя Алексея Михайловича, безумного в гневе и ярости. И оба унаследовали и его гнев, и его ярость.

Рождение разрушителей древнего порядка

Софья родилась 17 сентября 1657 года в царском дворце в Кремле.

Петр родился 30 мая 1672 года там же. В отличие от рождения Царевен появление на свет Царевичей праздновали шумно и торжественно. В парадной Грановитой (ее фасад украшен граненым камнем) палате Кремля, под сводами с библейскими фресками был накрыт праздничный стол. На столе стояло традиционное угощение: гигантская коврижка с царским гербом, окруженная белоснежными, изваянными из сахара символами Силы, Святости и Верности – орлом, лебедем и голубем. Рядом с коврижкой возвышались вылепленные из сахара башни Кремля и гигантская сахарная голова в два пуда весом – похожая на бескрайнее государство и такая же недвижимая.

Все знатнейшие бояре сидели в тот день за длинным праздничным столом. Но сама роженица – Царица Наталья, – как было положено женщине на Руси, любовалась на торжество через потайное решетчатое окно.

Петру было всего четыре года, когда 29 января 1676 года

умер его отец.

Битва семей

После смерти Тишайшего началось ожидаемое: двоебрачие Царя породило битву семей царских жен. Бояре Милославские – родственники первой жены Алексея Михайловича – сразились с худородными Нарышкиными. Хотя вначале никакой борьбы не было. На престол по праву старшинства вступил сын Милославской Федор, слабый здоровьем, окруженный врачами и ворожеями, заменявшими в трудных случаях врачей...

Нарышкины затаились – они верили, что Федор долго не протянет. Милославские также это понимали и поспешили выступить первыми. По повелению нового Царя Федора в ссылку был отправлен главный советчик покойного Тишайшего – умнейший Артамон Матвеев. Не простили тому, кто привел Нарышкину в царскую постель. Все места в правительстве заняли родственники и сторонники Милославских.

Но будущее было туманным. Во главе рода Милославских стояли люди немолодые – бояре Иван Богданович и Иван Михайлович. Вступивший на престол пятнадцатилетний Федор часто болел, его малолетний брат Иван был слабоумен.

И именно тогда произошло невероятное – рядом с Царем Федором в Боярской думе появилась женщина.

Рожденная для монастыря

Это была сестра Царя Федора – Царевна Софья.

Вольтер, в XVIII веке изучавший историю Петра, наделился ее «прекрасной наружностью». Так подсказало воображение галантному французу. Но современники описывали ее совсем иначе, вот как говорил о Царевне историк Василий Ключевский: «...тучная и некрасивая полудевица с большой неуклюжей головой, с грубым лицом, широкой и короткой талией...» Дипломат де Невиль, встречавший Царевну в 1689 году, когда ей исполнилось 32 года, в своих записках о Московии уточнял: «...насколько ее талия коротка, широка и груба, настолько же ум ее тонок, проницателен и искусен». Она заменила красоту умом, честолюбием и волей.

По обычаю Софья, как все дочери Царя, должна была закончить жизнь в монастыре. Замуж за августейших иностранных особ русских Царевен не выдавали – нельзя было менять веру. В родной стране им не находилось достойной пары – не могли же они вступать в брак с кем-то из своих рабов. Как писал Григорий Котошихин, «...государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояре их есть холопи. И то поставлено в вечный позор, ежели за раба выдать госпожу. А иных государств за королевичей и за князей давати не повелось для того, что не одной веры и веры своей оставить не захотят, то ставят своей

вере в поругание». Так что монастырь ждал Царевну. Впрочем, как справедливо отмечал историк Семевский, «никакой монастырь не мог быть скромнее и благочестивее царских теремов». Здесь, в окружении женщин-прислужниц, в молитвах, постах, в чтении церковных книг и рукоделии шли молодые годы Царевен. Как тени, проходили они по жизни, обреченные на безбрачие.

Но Софья не согласилась с этим – Царевна мечтала о другом.

Ей повезло – отец захотел перемен.

Глава 2

Первая феминистская революция

Затворницы

С изумлением описывали иностранцы быт московских Цариц и Царевен. Подданные не смели видеть лиц своих повелительниц. Царицы и Царевны ездили в каретах с плотно завешенными окнами, обычно очень рано утром или поздно вечером. Они проводили жизнь в своих покоях в кругу знатнейших боярынь, и ни один мужчина, за исключением слуг, не мог их видеть или говорить с ними. Когда Царице случилось выходить из кареты, подданные падали ниц на землю. Если ей приходилось пройти пешком, слуги несли суконные полы, заслоняя ими Государыню. Когда Царица Мария Милославская заболела, в комнате плотно завесили все окна, чтобы доктор не видел пациентку. Однако врачу нужно было измерить ее пульс, и для этого руку больной окутали тонкой материей, чтобы медик не коснулся священного тела...

Но уже в царствование Алексея Михайловича начали наступать новые порядки. Царица Наталья при первом своем выезде несколько раз открыла окно кареты. В страхе и восторге увидели подданные лицо своей Государыни. Более того, вскоре она поехала в открытой карете вместе с Царем.

Тогда стало понятно, что за смелыми подвигами новой Царицы стоял сам Государь... Уже справляя свои именины, Царица принимала все боярство, и мужчины могли свободно лицеизреть ее, пока она раздавала им именинные пироги.

Опасная любовь

По-новому относился Царь и к дочери Софье. Уже в детстве пытливыми вопросами она завоевала у отца право учиться. В отличие от хилых царских сыновей некрасивая крепкая девочка имела жесткий мужской характер. Это нравилось отцу. Царь разрешил небывалое – мужчина стал учителем Царевны.

Знаменитый проповедник, богослов и поэт монах Симеон Полоцкий был приглашен учить ее братьев и в придачу получил способнейшую ученицу. В десять лет она знала русскую грамоту и свободно говорила на главном международном языке – латыни. У Полоцкого, блестящего оратора, вернувшего на Русь искусство проповедничества, Софья училась выступать.

Полоцкий ввел при дворе «декламации». Его ученики соревновались в очень полезном для будущей карьеры занятии – произносили перед Государем славившие его речи. Поощрялись речи рифмованные. И здесь Софья была на высоте. Так она познакомилась со стихосложением и главное – с ора-

торским искусством. Она познала радость – покорять людей словом.

Дальше – больше. Полоцкий познакомил двор с театром. Он написал три пьесы, и их представили перед царской семьей. При дворе появились театр и даже... балет! Патриарх Иоасаф негодовал. Царя успокоили – в любезной царскому сердцу Византии был театр, и Тишайший грозно объяснил это Патриарху...

Софья написала пьесу и даже сама в ней сыграла. В ней проснулось главное качество политика – природное лицедейство.

И все это время она запоем читала книги. Поражали ее знания, но еще больше – ум. Впоследствии современники отмечали – «мужского ума исполнена девица».

Солнечный удар

Ей было девятнадцать лет, когда умер отец. На престол вступил пятнадцатилетний брат Софьи... Болезненный Федор был блестяще образован. Молодой Государь знал латынь, греческий и польский языки. При Федоре Московия продолжала меняться. Царь отменил местничество – патриархальную основу русской государственной жизни. Знатность рода и старшинство позволяли прежде занимать высшие должности. Теперь это ушло в прошлое.

Состоялась первая перепись населения. К негодованию

Патриарха, при дворе начали брить бороды. Входило, точнее – пробиралось в моду европейское и прежде всего польское платье. Польская галантность проникала в придворную жизнь.

...Именно тогда Софья увидела его. Это был тридцатитрехлетний князь Василий Голицын – один из влиятельнейших бояр в правление царя Федора. В терем Царевен могли войти только женщины и престарелые родственники, но при царе Федоре узда ослабла. Князь Голицын появился в тереме вместе с ее братом – Царем. Это был солнечный удар – девятнадцатилетняя Софья влюбилась.

Так начинался этот галантный роман в преддверии галантного века...

Князь Василий Голицын был женат по любви на боярыне Евдокии Стрешневой. Брак был счастливый, благополучный – на тот момент они уже воспитывали четверых детей.

Но опасны влюбленные дурнушки. Софья задумала невозможное – завоевать красавца князя. Для этого требовалось немного – стать его повелительницей.

Что ж, дело только казалось невозможным. Время смутное, Царь Федор все чаще болел, при дворе уже гадали – долго ли протянет. В случае смерти Федора претендентами на престол становились двое мальчиков – слабоумный малолетний Иван и малолетний Петр. Но при них должна быть регентша. Мать Петра была глупа и труслива, так что регент-

шей могла стать...

Любовь и жажда мирской деятельности заставила Софью окончательно взбунтоваться против своего монастырского будущего.

Путь во власть

Она придумала. В заботах о болезненном брате Софья неотлучно находилась при Федоре, приучая бояр к невиданному – присутствию женщины при решении государственных дел. Она даже смела участвовать в их обсуждении в Думе. Ласковостью, благонравными и почтительными речами достойная ученица Симеона Полоцкого вербовала себе сторонников среди боярства...

Правление брата не было долгим. Двадцатилетний царь Федор внезапно скончался – бездетным, не назначив наследника. Теперь право на престол имел другой сын Милославской, брат Софьи, четырнадцатилетний Иван – старший в роде Романовых. Но слабоумный Иван править не мог и не хотел. Оставался Петр – сын другой Царицы, Натальи Нарышкиной, – высокий, крепкий десятилетний мальчик.

В Москву съехались знатнейшие бояре. Вместе с Патриархом решали, кого посадить на трон. Подумали о державе и выбрали Петра...

Регентшей при десятилетнем становилась его мать Царица Наталья. Но заниматься делами правления женщина не имела права. Наталье положено было опекать малолетнего Царя. Править вызвали из ссылки любимца покойного Алексея Михайловича – боярина Артамона Матвеева.

Бунт Софьи

Вызвать легко, доехать трудно... И пока Матвеев ехал, двадцатипятилетняя Софья начала небывалое... Сначала она дерзко нарушила древний обычай, не допускавший женского участия в священной церемонии – похоронах царя. Провожать в могилу прежнего Государя должен был новый царь.

Но Софья посмела. Шла за гробом брата рядом с десятилетним Петром. После чего сделала церемонию трибуной. Возвращаясь с похорон, устроила театральное представление – сначала рыдала, горестно вопила. Потом обратилась к собравшейся толпе. Достойная ученица Симеона Полоцкого произнесла горькую речь: «Видите, как брат наш неожиданно отошел от света сего. Отравили его враги зложелательные! Нет у нас, сирот, теперь ни батюшки, ни матушки, ни братушки нашего царя. Старший наш брат Иван не избран на царство. Какой еще кары нам ждать? Смилуйтесь, добрые люди, над нами, сиротами... Отпустите нас живыми в чужие земли к добрым королям христианским».

И все моление – в потоках слез! Ее горесть разрывала сердца, народ плакал вместе с нею... Простив нарушение обычаев.

Впрочем, нарушать священные обычаи она не боялась. Против нее была Наталья Нарышкина, не смеющая и не умеющая говорить, как и положено было женщине в Московии. С Софьей – родня – Милославские. И главное – Иван Милославский, руководивший при Федоре многими приказами... Сейчас в его руках важнейший приказ – Большой казны, то есть все деньги царства! Милославский платит и жалованье войску – стрельцам.

Стрельцы – старинное русское войско. Они составляли регулярное войско и московскую царскую рать – придворную гвардию. Управлял стрельцами Стрелецкий приказ.

Московские щеголи-стрельцы ходили в сафьяновых сапогах, в кафтанах с золотыми перевязями, в бархатных шапках с собольей опушкой.

Это было своевольное, военное братство. Не раз бунтовали московские стрельцы при Тишайшем, подавали жалобы, требовали смены своих начальников. Начальники, по старинному обычаю присваивали часть их жалованья и заставляли даром работать в своих поместьях. Тишайший всегда шел на уступки придворной охране, и стрельцы привыкли получать желаемое. Софья знала: чувствуя слабость Власти, стрельцы захотят бунтовать. Надо только хорошо заплатить.

Бунт беспощадный

Деньги Ивана Милославского сработали быстро. Уже через три дня после похорон Царя Федора стрельцы явились в Кремль. Потребовали убрать своих старых командиров – полковников – и выдать их на расправу. Мать Петра Царица Наталья все покорно исполнила: полковников сначала разжаловали, потом несчастных раздели на Красной площади, и двое палачей беспощадно секли их батогами на глазах хохочущей толпы стрельцов. Наконец те смилоstinивились и прокричали «Довольно!». В тот день, разойдясь по домам, стрельцы поняли главное: бунтовать безопасно. И тогда Софья решила: пора!

Щедро заплатил стрельцам Иван Милославский. Сначала они толпами разбрелись по городу – весело грабили лавки и грозили боярам. Подкупленные стрельцы горланили: «Канальи Нарышкины готовят расправу над нами! На днях родной брат Царицы Натальи уселся на трон и надел царский венец... Царевна Софья и ее брат Царевич Иван стали его стыдить, и он чуть не задушил Царевича Ивана!»

Наступило 15 мая 1682 года – столетняя годовщина убийства Царевича Дмитрия в Угличе. В тот день в 1582 году, как считалось в народе, сына Ивана Грозного, наследника престола, зарезали по приказу Бориса Годунова, мечтавшего

сесть на русский трон.

И теперь, ровно через сто лет, состоялось главное представление. Тысячная толпа вооруженных стрельцов заполнила Кремль. Размахивая ружьями и саблями, они орали: «Нарышкины, Царица Наталья с братьями, задушили Царевича Ивана, как когда-то злодеи убили невинного Царевича Дмитрия! Выдать нам губителей царских!» Стрельцы прочли имена этих злодеев, убивших Царя Ивана и отравивших покойного Царя Федора. Список возглавляли братья Царицы Натальи...

Перепуганная Наталья, Патриарх Иоаким и недавно приехавший в Москву боярин Артамон Матвеев поспешно вывели на Красное крыльцо обоих мальчиков – Петра и, главное, Ивана.

С Красного крыльца знаменитой Грановитой палаты русские Цари во время коронаций гордо кланялись славящему их народу. Теперь беспомощные мальчики-Цари стояли на Красном крыльце среди моря стрелецких ружей и сабель, под грозные крики стрельцов. Разгулялось стрелецкое войско.

Артамон Матвеев начал уговаривать стрельцов мирно разойтись: «Сами видите, вот стоит Царевич Иван, никто ему не угрожает...»

Стрельцы не знали, что делать дальше, и бунт начал затихать. Все погубил начальник Стрелецкого приказа князь

Долгорукий. Он решил, что пришла пора напомнить мятежным стрельцам о виселице. Князь начал угрожать им, и тотчас радостно вскипели стрельцы. На глазах мальчиков-Царей князь Долгорукий был схвачен и сброшен с крыльца на стрелецкие пики.

Иван заплакал, а Петр даже в лице не изменился. Он молча смотрел на толпу, обезумевшую от своеволия и крови. Потерявшего сознания князя рубили саблями. Царица Наталья, схватив обоих Царевичей, втащила их в Грановитую палату – под защиту родных братьев.

Но отведавшие крови стрельцы жаждали продолжения. Тут же, на крыльце, был схвачен и сброшен на пики мудрейший Артамон Матвеев. Разрублен на куски князь Черкасский, пытавшийся защитить боярина...

Стрельцы ворвались во дворец, и началась охота на братьев Царицы Натальи. Царевна Софья находилась здесь же, во дворце. Она как бы охраняла Петра и Ивана и молча наблюдала за зверствами стрельцов.

Стрельцы побежали по царским покоям – искали Нарышкиных, ползали под кроватями, открывали сундуки, заодно грабили. Наконец нашли одного из братьев Царицы, жестоко убили.

Бойня продолжалась – стрельцы пошли по Кремлю – уби-

вать сторонников Нарышкиных. У Чудова монастыря встретили старика-воеводу, боярина Юрия Ромодановского, знатнейшего вельможу, героя войны с турками. Схватили его вместе с сыном. Долго мучили старика, рвали бороду, наконец убили обоих. Но другой, младший его сын Федор, остался жив. Федору Ромодановскому суждено будет впоследствии пролить много стрелецкой крови...

Стрельцы поволокли растерзанные трупы на Красную площадь, издевательски орали по дороге: «Боярин Матвеев едет – дайте ему дорогу! Боярин Долгорукий – дорогу грозе стрельцов!»

Разграбили дом отца князя Долгорукого. Перепившись вином из княжеских подвалов, зарезали старика-князя. Убитого бросили в навозную кучу, обложив соленой рыбой из княжеских припасов. Приговаривали: «Ешь рыбку, князь! Что, вкусно тебе?!»

На следующий день пьяные стрельцы снова отправились в Кремль – за другим братом Царицы Натальи. Шли, по дороге убивая и грабя бояр. Бояре в Кремле уговаривали Царицу выдать брата, «чтобы всем нам не погибнуть вместе с твоим сыном». Несчастный Нарышкин сам вышел к стрельцам со святой иконой в руках, в сопровождении сестры Царицы и... Софьи. Софья попыталась спасти Нарышкина, но, конечно же, не смогла! Как писал современник, она, усмеха-

ясь, глядела, как волокли Нарышкина по Кремлю. За волосы тащили Царицына брата по кремлевской мостовой, еще живого. Наигравшись, намучив несчастного, после жесткой пытки изрубили...

Трон на двоих

Итак, род Нарышкиных был обезглавлен – они лишились двух опасных мужчин. Начиналось второе действие драмы, задуманной Софьей. Царевна призвала к себе выборных от стрельцов, приласкала словами и – что важнее – деньгами. Наградила убийц богатейшим имуществом убиенных бояр. Подарила им право продать его и разделить деньги. Льстиво объявила стрельцов «Надворной (дворцовой) пехотой» и во главе назначила их любимца князя Хованского. Бесстрашный был воевода, победитель знаменитого шведского полководца Магнуса Делагарди – стрельцы ласково звали князя «Батюшкой».

Софья продолжила. Точнее – продолжили деньги Иван Милославского. Теперь стрельцы навещали Кремль ежедневно. В первый – написали челобитную: «желают стрельцы, чтобы правили два царя. Старшим царем должен быть брат Софьи Иван, а Петр – младшим».

Несчастливая мать Петра Царевна Наталья покорно уступи-

ла. Перепуганный Патриарх поспешно собрал Думу, и бояре столь же покорно согласились. Помнили бояре про стрелецкие копыя... Патриарх совершил молебен в честь двух царей. Иван, объявленный «старшим царем», венчался в шапке Мономаха – венце русских царей. Для Петра сделали копию. Оба восседали на новом, небывалом троне – с двумя сиденьями...

Но умная Софья знала – двух царей не бывает. Впереди была задуманная ею концовка. Не всей драмы, но первого эпизода.

Московская революция: баба – правительница

И наступил финал спланированного действия. Стрельцы привычно навестили Кремль. Грозно потребовали, чтоб по причине малолетства Царей управляла Государством «пре-светлая Царевна Софья», а мать Петра, Царица Наталья, из дворца удалить.

Беспомощная Царица Наталья, конечно же, согласилась. Согласился и святейший Патриарх. Тотчас разослали заготовленную Софьей грамоту во все концы Государства. «По челобитью всех людей Московского государства царь Иван, прежде уступивший царство брату своему, согласился после долгого отказа со своей стороны, вступить на царство вместе с братом... По малолетству государей царевна Софья Алексе-

евна после многих отказов согласно прошению братьев своих Великих Государей и по благословению Святейшего Патриарха и Священного Собора и всего всенародного множества людей всяких чинов Московского государства *изволила воспринять правление*».

Случилось невозможное: женщина, «баба» Софья, теперь будет сидеть в палате с боярами, и думные дьяки будут докладывать ей о всех государственных делах, и ее имя будет писаться во всех указах вместе с именами малолетних царей!

Теперь она, Женщина, – «Великая Государыня Царевна и Великая княжна». Таков ее революционный для Московского государства титул.

Отрок Петр, видевший убийства дядьев, кровь и насилие, узнал, что и он и мать устранены от власти. Впоследствии историки будут справедливо писать, что в эти годы убийств, крови и ужаса формировался характер молодого Петра. Как в веке шестнадцатом, в дни народного бунта и боярского своеволия, формировался характер кровавого царя-реформатора Ивана Грозного.

Результатом всех ужасов, итогом Стрелецкого бунта и убийств станут нервные (возможно, эпилептические) припадки, судорога, до смерти искажавшая лицо Петра.

Пролог феминистской революции

Впервые – со времен легендарной княгини Ольги (X век) и короткого регентства матери Ивана Грозного, литовки Елены Глинской, успешно отравленной боярами, – страной управляла женщина.

Это был пролог к русскому парадоксу – царству женщин в стране бесправных женщин. Одновременно и Стрелецкий бунт, посадивший на трон Софью, стал тоже частью предисловия к наступавшему веку, когда казарма с ружьями будет распорядителем российского престола на целое столетие.

Мужской мятеж: князь Хованский

Но «бабье царство», пусть даже с необходимой декорацией – трон с двумя Царями, казалось слишком необычным и оттого непрочным.

Об этом Софье напомнили сразу. Во главе стрельцов стоял посаженный ею князь Хованский. Хованские – знаменитый княжеский род, входивший в число шестнадцати знатнейших родов России. «Батюшка-князь», любимый воевода, под его началом главная вооруженная сила – стрельцы. Но на троне сидела баба, которую следовало вернуть на положенное взрослой московской Царевне место – в монастырь...

Князь Хованский понял: он может захватить престол. Под предлогом охраны Софьи он превратил Кремль в тюрьму. Софью и Царей стерегла теперь охрана – стрельцы.

Уже по наущению князя стрельцы вооруженной толпой привычно явились в Кремль. Устами стрельцов Хованский велел «бабе на троне» поставить на Красной площади памятный каменный столб. На нем перечислить преступления убитых бояр и восславить дела стрельцов... Софья безропотно согласилась. Хованский понял: сдалась. И снял караулы в Кремле.

Но многоопытный воевода Софью недооценил.

Бабий сюрприз

Освободившись от караула, Софья тотчас начала действовать. Вскоре князь Хованский нашел... опустевший Кремль! «Великая Государыня Царевна и Великая княжна» Софья вместе с малолетними Царями – Иваном и Петром, с матерью Петра Царицей Натальей и с другой Царицей – вдовой покойного Царя Федора, а также со всеми Царевнами, то есть со всей большой царской Семьей бежала из Кремля. Софья отправилась в село Коломенское под Москвой – любимое место ее отца, «Тишайшего»...

Вскоре на воротах Коломенского дворца прикрепили «подметное письмо» (так именовались на Руси анонимные

доносы). В нем «неизвестные добрые люди» оповещали народ о том, что князь Хованский с сыновьями замыслили убить обоих Государей, Патриарха и Великую Государыню Царевну Софью, чтобы самому сесть на царство.

Не успело Софьино изделие появиться на воротах, как она, «спасая Царей», побежала дальше – в Саввино-Сторожевский монастырь, а оттуда еще дальше – в село Воздвиженское...

Правительница вела себя как глава царского клана, спасительница Государей.

И снова – торжество Софьи

Узнав о бегстве Царей, Москва впала в панику. Народу легче было представить свою страну без народа, чем без Царя. Цари – его защитники перед врагами и, главное – заступники перед Богом.

Как и задумала «мужского ума» девица, в Москве начался бунт против стрельцов...

И тогда Софья обратилась к дворянству с призывом: «Верные защитники Престола, поспешите с оружием на помощь царской Семье!»

Уставшие от стрелецких мятежей дворяне потянулись в Воздвиженское. Поторопилась приехать и вся московская верхушка – бояре и думные дьяки. И тогда повелительно вы-

звала Софья в Воздвиженское мятежного князя Хованского...

Недаром враги звали Хованского «Пустомелей». Грозный, бесстрашный на поле боя «Батюшка-князь» позорно пал духом. Он покорно поспешил к Софье вместе с сыном – «договариваться с бабой».

Но Софья чтит мудрый обычай московских Царей: простить врага можно, но сначала его надо убить.

Не знал князь, что в сельце Воздвиженском уже состоялось «тайное сидение о важном деле». Приехавшие бояре решили единогласно: казнить мятежника.

Уже по дороге князь Хованский с сыном были схвачены. Их привезли пленниками к Софье. Прославленный воевода князь Хованский был торопливо казнен вместе с сыном.

Убив стрелецкого вождя и опасаясь мести стрельцов за любимого командира, Софья вместе с царской Семьей побежала дальше – в Троице-Сергиеву лавру. Монастырь, обнесенный высокими стенами, из века в век был неприступной для врагов крепостью.

В Москве уцелевший младший сын Хованского попытался начать бунт. Но стрельцы уже знали, что иноземные полки в полном вооружении идут в Лавру. Эти полки и голова его казненного отца была убедительнее слов молодого князя. Стрельцы почувствовали забытую силу Власти. И поспе-

шили. Вслед за иноземными полками пришли с повинной в монастырь, стрельцы принесли с собой плаху и топор.

Софья насладились картиной своей власти: стрельцы стояли на коленях у принесенной плахи с воткнутом в нее топором. Молили Софью вернуть царскую милость, сами просили скрыть мятежный столб на Красной площади.

Таков был финал сюжета, задуманного Софьей. Невиданное прежде торжество женщины состоялось! Софья прочла стрельцам нравоучение – объявила, что всякий, кто вспомнит или похвалит прежние мятежные дела, будет казнен.

Столб срыли. Новым главой Стрелецкого приказа Софья назначила преданного Федора Шакловитого. Теперь стрелецкая сила снова подчинялась ей. Правительница торжественно вернулась в Москву и въехала в Кремль.

Царская потеха долговязого подростка

Но мать Петра Царица Наталья в Кремль не поехала. Вместе с Петром она поселилась в загородной резиденции, в сельце Преображенском. Она знала московские обычаи и боялась победившей правительницы.

Софья была упоена победой. Худородную необразованную мать Петра потомка князей Милославских презирала. Не отнеслась она всерьез и к долговязому непоседливому подростку...

Он теперь все свое время посвящал придуманной им игре – с живыми солдатиками. В селе Преображенском шустрый Петр создал «потешное войско». Весь положенный Московскому Царю придворный штат – стольники, спальники, конохи, денщики ...были мобилизованы в его войско для детской царской потехи.

Любовь и политика

Наступило семилетнее правление женщины. Царевна самодержавно правила от имени двух Царей.

В своей «Гистории о царевне Софье и Петре» князь Борис Куракин, современник Софьи и будущий участник всех преобразований Петра, напишет: «Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякою прилежностью, и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском Государстве не было».

И способствовала этому Любовь! Любовь впервые властно вмешалась в дела Московского Государства. Ибо мы имеем дело с Женщиной на престоле.

Да, в это время уже свершилось – она завоевала сердце князя Василия Голицына. Завоевала страстью, напором, умом и, главное, – властью. В этом любовном союзе женщина вела себя, как мужчина. Об этой Любви уже знали и иностранные послы, и русские вельможи. Она не скрывала и ра-

достно жила своей страстью. Писала чувственные стихи, ибо «от избытка сердца и уста глаголят», как любил повторять ее учитель Симеон Полоцкий вслед за евангелистом Матфеем.

Все ждали, что князь Голицын отправит свою жену в монастырь – именно так поступали с нелюбимыми женами цари в Московии. Петр впоследствии без всякой вины отправит в монастырь нелюбимую жену). Но князь не сделал этого «по благородству», как писал современник, или по вечной своей нерешительности, как скажем мы.

Любовь вмешалась в русскую Политику – так заканчивался XVII век. Впереди был век восемнадцатый – первый и последний в истории России, когда Любовь будет часто управлять политикой.

Мечтатель на Руси

Софья сделала Василия Голицына главой Посольского приказа и фактическим главой правительства.

Казалось, это был отличный выбор. О Василии Голицыне сохранились единодушные восторженные отклики западных дипломатов. Князь свободно говорил на латыни – главном международном языке века – и мог без переводчиков обсуждать дела с дипломатами. Его эрудиция и знания в самых разных областях изумляли иностранцев. Еще больше их восхищали планы князя. Голицын часто беседовал с иноземными послами об освобождении рабов-крестьян, причем, осво-

бодив, он хотел обеспечить их землей. Он мечтал посылать русских юношей за границу, планировал создать в Москве Академию наук, строил прожекты о том, как преобразовать армию, суд – в общем, всю московскую жизнь.

Короче, этот любимец московских европейцев мечтал обо всем том... что впоследствии начнет осуществлять Петр! Голицын принадлежал к распространенному на Руси человеческому типу – он был мечтателем... Однако, мечтая, отлично понимал: для осуществления подобных великих реформ потребуется не только титанический труд реформатора, но много крови – народной и, возможно, его собственной... И предпочел... не спешить. Он жил просвещенным сибаритом в своем великолепном дворце, построенном в европейском стиле, наслаждался настоящим и мечтал, мечтал, мечтал о будущем.

Вскоре цену его мечтаниям начали понимать даже восторженные иностранцы... Один из них, описывая образованность, богатство князя, великолепие его дворца, насмешливо добавляет: «Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты». (Эти слова приводит наш великий историк Соловьев.)

Из всех дерзновенных прожектов, пожалуй, он реализовал только два – личным вмешательством ограничил произвол судей. Рабов не освободили, Академию не создали, ограничились созданием первой светской школы, названной

Академией (Славяно-греко-латинская академия). Она и стала началом высшего образования в России.

Мать городов возвращается на Русь

Зато во внешней политике в самом начале правления Софьи наши образованнейшие любовники преуспели. Правительница Софья и князь Голицын продолжили традицию московских Царей – стали расширять и без того огромное Государство. Но действовали они пока что без крови и грома пушек.

Хитрейшими переговорами, щедрыми обещаниями совместного похода против турок князь Голицын склонил Польшу заключить «Вечный мир». По этому договору Россия вернула себе символ великого прошлого Киев – «Мать городов русских».

Все это окружило славой начало правления «богатырь-девицы» Софьи. Был заключен и договор с Китаем, мирно решивший вопрос о границах, – первый русский договор, составленный на латыни, которой щеголяли любовники.

Петр меж тем вырос...

Для Софьи, поглощенной Любовью и государственными заботами, время летело. Она не заметила, как вырос Петр...

Он по-прежнему вместе со своей матерью обитал, будто в ссылке, в подмосковных селах – Преображенском, Семеновском, Воробьеве и Коломенском.

На время официальных церемоний его привозили в Москву, и они с Иваном восседали на двойном троне. Старший Иван сидел с бессмысленным взглядом, Петр же приводил всех в изумление своею живостью. Иностранные послы внимательно следили за высоченным подростком...

Петра дурно учили полуграмотные учителя. Но он, самоучка, жадный до знаний, сам нашел в отечественной истории «делать жизнь с кого». Его любимым Царем становится кровавый самодержец Иван Грозный, при котором муха не смела пролететь без царского дозволения. И беспощадные казни строптивых бояр, и походы в Ливонию – попытки прорваться на Запад, к вожделенному Балтийскому морю – все восхищало Петра.

А пока учение Петр заменил военными играми и визитами в Немецкую слободу...

Потешное войско и посещения слободы вскоре окажутся тесно связанными.

Московское гетто – немецкая слобода

В Немецкой слободе зарождалась будущая русская Империя. Здесь будет формировать Петр свой план уничтожения старой Московии.

Немецкая слобода находилась на северо-востоке столицы, на правом берегу реки Яузы, близ широкого ручья, именовавшегося Кукуем. Отсюда – ее второе, народное, название – «Кукуй». Немецкой ее называли в Москве потому, что все иностранцы звались у нас «немцами».

Немецкая слобода была своеобразным гетто, похожим на предместья западных городов, где изолированно жили евреи... Здесь, в нашем «немецком гетто», изолированно жили опасные иноверцы – католики, протестанты и иудеи. Это были немцы, голландцы, шотландцы, шведы, швейцарцы, англичане и евреи. Люди самых разных профессий – купцы, офицеры полков Иноземного строя, медики и ремесленники, – все они приехали в Россию за счастьем и деньгами. В этом гетто они сохраняли атмосферу Северо-Западной Европы.

С их верой и обычаями не уставал бороться Патриарх Иоаким. В слободе строились постоянно прокливаемые им лютеранские и кальвинистские церкви. Сюда привозили новейшие книги, европейские моды, которые осуждал Патриарх. Здесь обсуждались достижения науки и последние политические новости Европы, новые философские идеи – все, что не проникало в мирно спящую Московию. Но все это необычайно интересовало молодого Петра. Общение с «немцами» и даже их одежды считались греховными у «добродетельных людей». Добродетельные тщательно мыли руки после рукопожатий иностранцев.

И тем не менее юный царь зачастил в Кукуй. Эти посещения мучили его мать, Царицу Наталью, и Патриарха Иоакима, но радовали Софью. По ее приказу распространялись слухи о визитах долговязого «второго царя» к «проклятым басурманам».

Немецкие уроки

Из Немецкой слободы вынесет Петр два понятия – «порядок» и «прибыток». Богатство несправедливо – учила его наша религия. «Не собирайте сокровищ на земле». «Без порядка и прибýtка не бывает могущества», – учил Кукуй. Прибытком (богатством) ты угождаешь Богу. Деньги – это евангельский Талант, не зарывай их в землю, говорит Евангелие, но не трать на пустое.

Правда, были еще слова, которые часто звучали в Кукуе: свобода, права городов, парламент. Но юному потомку московских Царей они казались странными. Какая может быть свобода, какие права, если он хозяин земли Русской, а весь народ – пришельцы на его земле!

Как стремительно летит время

Мальчики выросли... Петр в Преображенском по-прежнему фанатично занимался военным делом. Но Софья уже не потешалась над забавами с живыми солдатиками, пришло

время ей задуматься.

Разница между убогим Иваном, «старшим Царем», и вымахавшим в два метра Петром стала опасной и вызывающей...

Софья придумала. Она поспешила женить брата Ивана на первой красавице русского двора – Прасковье Салтыковой. И нетерпеливо ждала потомства – мальчика из рода Романовых и Милославских. Замысел был прост и выполним. Когда у старшего из Царей родится сын, то, сославшись на нежелание убогого Ивана царствовать, можно будет объявить Царем его младенца-сына – вместо обоих Царей. И тогда... она снова будет регентшей! Великой Государыней Царевной уже на долгие годы.

Но Иван был хилым и болезненным, детей у Прасковьи все не появлялось. И Софья поспешила помочь брату – при дворе появился красавец постельничий (старинная придворная должность – он следил за царской постелью). Спустя положенное время Прасковья наконец родила... девочку! В Преображенском насмешничали: «Славно следит постельничий за царской постелью!»

И далее Прасковья исправно рожала, родила пятерых, но... одних девочек! Выжили трое.

Предтечи русской гвардии

Петр все больше беспокоил правительницу. Ведь вырос не только он – выросли его юные солдаты. Им по шестнадцать-восемнадцать лет – настоящие молодые воины. Уже был возведен потешный городок Пресбург, который умело штурмовало войско Петра. В село Преображенское доставляли все больше барабанов, копий, знамен, сабель и деревянных пушек. Но если пушки деревянные, то копья и сабли – настоящие...

И, наконец, самое опасное – выросшую гвардию начали опекать знакомцы Петра из Немецкой слободы. Голландец генерал Гордон послал Петру настоящих солдат – флейтистов и барабанщиков. А родственник Гордона, швейцарец Лефорт – частый участник воинственных потех молодого Петра.

Сподвижники собираются. Швейцарец Лефорт

Этот красавец должен был стать очередным Казановой, если бы... Если бы не обожал войну больше любовных утех. Он сбежал на поля сражений из отчего дома. Но после окончания Тридцатилетней войны в Европе удалой воин вместе с толпами офицеров, оказавшихся не у дел, отправился в Мос-

ковию – служить в полках Иноземного строя.

Он не прогадал – быстро сделал военную карьеру. К тому же обольстительный кавалер удачно женился. Невеста – родственница влиятельного генерала Гордона. Свадьбу шумно отпраздновали в Немецкой слободе.

Конечно, блестящий швейцарец был вхож к покровителю иностранцев – князю Василию Голицыну... Но одновременно Лефорт стал и одной из главных фигур в Преображенском – его боготворил молодой Петр. Лефорт принимал участие во всех потехах воинственного юноши. Командовал потешной ротой, и двухметровый Царь-бомбардир числился в этой роте. Лефорт участвовал в штурмах потешной крепости Пресбург, а в очередной «битве» даже получил легкое увечье.

Потешное войско росло. В нем служили молодые люди самого разного, подчас низкого «подлого звания». Потешному войску уже не хватало для размещения Преображенского села, они заняли село Семеновское. Эта маленькая армия начала тревожить и князя Голицына. Особенно беспокоило его то, что умные иностранцы, его друзья из Немецкой слободы, участвовали в забавах Петра...

Князь беспокоился и... ничего не предпринимал. Все перекладывал на плечи женщины – Софьи.

Маленькая победоносная война

Софья решила действовать. Она задумала переворот. Регентша при малолетних царях захотела стать самодержавной Царицей. Начала подготовку – напечатала плакаты в Европе. На них она была изображена в царских регалиях, со скипетром и в короне. Но картинками не обойтись. Чтобы сесть на трон, Софье требовалось свершение – громкая победа.

Заклучив «Вечный мир» с Польшей и получив Киев, Софья подписала обязательства: страна и ее армия стали частью Священной лиги, борющейся с турками. В Лигу вошли Австрия, Польша и Венецианская республика, столетиями сражавшаяся с турками. За будущие победы Софье посулили христианскую святыню – Константинополь, захваченный мусульманами. Но это – будущее. У нее уже нет времени. Нужна «маленькая победоносная война». И как можно быстрее.

Софья выбрала поход в Крым. Решила сокрушить турецкого вассала – Крымское ханство.

Крымское ханство

Крым – не просто вассал турок. Это последний остаток Татарской Орды, полтысячи лет назад предавшей Русь огню и мечу. Но и сейчас, в конце XVII века, крымские татары по-

прежнему терзают набегами Русь. После каждого набега на невольничьих рынках появлялось такое количество светло-волосых голубоглазых рабов, что, по словам современника, «невольно спрашиваешь, остались ли еще люди в той земле». Разгром ханства мог быть подан как окончание многовекового рабства, месть за столетия русского унижения.

И с благословения Священной лиги Голицын организовал поход в Крым.

В поход вместе с русским войском отправилось войско казачье под руководством гетмана Самойловича, а также полки Иноземного строя в европейской амунии. По этой причине Патриарх Иоаким, неутомимо борющийся с иноземцами, публично пророчил походу неудачу. Некоторые бояре являлись воевать в траурном платье – как бы оплакивая старинные боевые русские одежды...

На самом деле они почувствовали слабость женского правления. И уже выслуживались перед будущим Царем Петром. А выслуживаться перед новым – значит хаять дела старого, так повелось на Руси из века в век.

Опасливый полководец

Василий Голицын подошел к Перекопу – перешейку, отделявшему Крым от материка. Но горящая степь и отсутствие воды остановили полководца. Испугавшись множества грядущих жертв, князь Голицын бесславно повернул назад.

По возвращении потребовался виновник неудачи. В ней был обвинен гетман Самойлович – он-де сговорился с крымским ханом. Гетману и вправду был невыгоден его разгром. Пока существовало ханство, он мог играть, присоединяясь то к Руси, то к крымским татарам... Впрочем, командовавший полками Иноземного строя генерал Гордон также считал Самойловича предателем.

Софья приказала арестовать Самойловича. Гетмана обвинили в предательстве – в том, что он задумал отделить Малороссию от Московского Царства. Он и все его семейство – сыновья, их родственники – были отправлены из солнечной Малороссии в вечную ссылку в Сибирь. Имущество конфисковали, сыну Григорию отрубили голову.

В ссылке в 1690 году Самойлович умрет.

«Без нужды не предам!»

Новым гетманом стал Иван Мазепа.

Мазепа пленил Голицына своей образованностью и европейскими манерами, недаром он служил при польском дворе. Мазепа очень выделялся среди чуждой князю грубой казацкой среды, он был умен, образован, льстив и изворотлив.

Послужной список нового гетмана типичен для переменчивого бурного времени. Сын православного малороссийского шляхтича, человек польской культуры, сначала служил польскому королю, потом перешел служить к его заклято-

му врагу, гетману запорожского войска Дорошенко. Когда власть Дорошенки заколебалась, перешел служить к его врагу – новому гетману Самойловичу. Самойлович сделал его генеральным есаулом, ввел в круг казацких старшин. Теперь Мазепа предал и Самойловича, чтобы самому стать гетманом.

Помимо достоинств Мазепы князя Голицына будто бы подкупили деньги. Впоследствии, уже после падения власти Софьи и Голицына, Мазепа объявил, что дал князю взятку: «...отчасти из пожитков отрешенного гетмана Самойловича, а отчасти из собственного своего «именьишка» – 11 000 рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, на 5000 рублей драгоценных вещей и три турецких коня с убором». Рассказ этот был угоден новому хозяину Мазепы – Царю Петру, к которому новый гетман вовремя переметнулся.

Но после двадцати лет верной службы Петру Мазепа предаст и его – переметнувшись к врагу Петра – шведскому королю Карлу Двенадцатому. После поражений шведов пришлось Мазепе бежать к туркам вслед за королем. Здесь и закончится череда его предательств – Мазепа умрет. Свое кредо гетман объяснил сам: «Без крайней, последней нужды я не переменю моей верности к царскому величеству. Пока не увижу, что царское величество не в силах будет защищать не только Украины, но и всего своего государства от шведской потенции».

Но история Мазепы – не только парад политических предательств. Это история любви, как и положено в галантном веке. Мазепа был великий обольститель. Страстная любовь к нему крестницы, дочери генерального писаря Кочубея, станет темой романов и поэм. Шестнадцатилетняя девушка бежала из дома ради семидесятилетнего Мазепы.

Баба при двух царях

В это время Царица Наталья, мать Петра, в ответ на брак Ивана поторопилась женить сына. Она выдала за него дочь Государева стольника и окольного Ефдокию Лопухину... Теперь Петр по традиции окончательно считался совершеннолетним, то есть имел право избавиться от опеки Софьи. Петр быстро исполнил главную задачу царского брака – Ефдокия забеременела.

Так возникла новая ситуация: два совершеннолетних, женатых Царя, уже с собственными детьми, но при них, как при детях, – регентша, правящая страной от их имени. Все громче раздавался ропот дворянства – по какому праву?! Теперь обоим совершеннолетним Царям, Петра и Ивана, Софье приходится приглашать в Думу. При этом двухметровый Петр на приемах возвышался верстой над царедворцами и над жалким Иваном с его вечной улыбкой идиота. На обсуждениях в Думе Софья теперь слышала голос Петра – он высказывал свое мнение.

По требованию Петра князь Голицын на пятом десятке лет должен был делать доклады наглому мальчишке. Все чаще бояре и Патриарх гостили в селе Преображенском у Петра и Царицы Натальи.

Софья начала метаться. Не придумав ничего нового, она решила повторить «маленькую победоносную войну». Она верила, что победа может спасти положение хотя бы на время. И отправила Любимого во второй поход в Крым.

И вновь князь Голицын со стотысячным войском собрался сокрушить Крымское ханство. На этот раз он выступил в феврале, чтобы избежать испепеляющей крымской жары.

Женщина побеждает правительницу

Софья любила страстно. Послав возлюбленного воевать, она тотчас по-бабы стала бояться за него. В первый раз, когда посылала, так не боялась. Но вернувшись из первого похода, князь, видно, красочно рассказал ей о военных ужасах – о мучительной жажде, о безводной горящей степи, о татарских «поганских» всадниках, возникавших, как мираж, и так же внезапно исчезающих, оставляя сотни раненых и убитых русских солдат.

До нас дошли ее письма: «Свет мой братец Васенька... подай тебе Господи и впредь враги побеждати...» Но главное – пишет, что ждет не дождется, «когда увижу в объятиях своих тебя света моего...».

Князь-интеллектуал был неважным полководцем. Огромное войско вместе с казаками нового гетмана Мазепы двигалось в Крым слишком неспешно. В итоге Голицын подошел к злосчастному Перекопу только к концу мая – опять накануне беспощадной жары. Князь сумел разбить войско хана у Перекопа, но перейти Перекоп вновь не отважился. За Перекопом лежала всё та же выжженная солнцем и татарами степь... И наступавшие жаркие месяцы обещали князю знакомое – нестерпимую жажду, горевшую степь и бескормицу.

И князь... во второй раз повернул назад!

Софья, получив письмо о его бесславном возвращении, была... счастлива. Она описывала в письме князю, как шла на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, когда ей сообщили о том, что войско возвращается. И как от счастья, что снова увидит его, – все забыла.

«Я не помню как взошла [в Лавру. – Э. Р.]... чем его света благодарить за такую милость его и Матерь Его Пресвятую Богородицу и преподобнаго Сергия чудотворца милостивого». Так она восприняла известие... о крахе похода. Что для нее поход, Бог с ним, с походом, главное – возвращается он, цел и невредим. «Свет мой батюшка, надежда моя... Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтоб тебя, свет мой, увидеть». «Велик мне будет день той, когда ты, душа моя, ко мне будешь».

Бесславно повернувший назад князь для нее – «Моисей, спасающий народ свой». «... Не хуже Израильских людей вас

Бог извел из земли Египетской, тогда через Моисея угодника Своего, так нынче через тебя, душа моя...»

Будто, потерпев поражение, торопливо возвращался князь Голицын, преследуемый татарской конницей. Татары шли по пятам, не решаясь дать сражение огромному русскому войску.

Итак, поход вновь окончился позорной неудачей, но Софья объявила его победой. И не лгала. Для нее это была победа. «Свет мой Васенька» снова с нею. Любовь победила Политику. Правительница уступила страстно любящей женщине.

За позорный поход от имени обоих Царей Софья наградила «свет в окошке Васеньку» и его офицеров поместьями и деньгами.

Сражение села с Кремлем

И тогда Петр впервые сделал грозный ход – он запретил раздавать награды. Его с трудом уговорили промолчать. Но когда Голицын с офицерами пришли благодарить, Петр демонстративно их не принял. В это время по Москве уже ползли дикие слухи, что «крымский хан подкупил полюбовника Софьи, но золото оказалось фальшивым».

И началась открытая борьба между селом Преображенским и Кремлем. Борьба была неравной. Для бояр и дворян-

ства Софья – грешница-баба, блудодейка, смеющая воссесть на царском троне и править Русской землей вместе с неудачливым любовником. Она должна вернуться на место, положенное Царевне, – в монастырь. Петр же – законный Царь, потомок Царей.

И юный Петр начал открыто заявлять об этом.

Всё случилось на празднике Казанской иконы Божьей Матери. Этот праздник отмечался в благодарность Господу за избавление Руси от нашествия поляков в дни Смуты. Когда закончилась служба и подняли иконы на Крестный ход, Петр впервые обратился к регентше, как к обычной бабе: «Женщине находиться здесь не положено». Семнадцатилетний Царь приказал правительнице: «Уйди!»

Софья не ответила. Как ни в чем не бывало взяла образ Казанской Божьей Матери и понесла. Петр демонстративно не пошел рядом с ней. Он ускакал в Преображенское.

И хотя власть все еще была в ее руках, Софья чувствовала, как бояре становятся глухи к ее рассказам о грешной жизни Петра. Бояре знали: Иван, соправитель Петра, жалкий полуидиот, того гляди помрет. И тогда Петр – единственный Царь, а Софья – лишь баба, вопреки всем обычаям отчего-то восседающая на троне...

К тому же бояре уже слышали о приступах бешеного гнева юного Петра... Да, гигант неистов и грозен. Но он «природный Царь», и по этим вспышкам видно – Царь истинный.

«Как конь под Царем без узды, так и Царство без грозы», – учил великий Царь Иван Васильевич Грозный. Грозному Царю принято служить со страхом и усердием – это в крови у бояр.

Убить медведицу и медвежонка

Но Софья не может отдать власть. Власть – главное в жизни некрасивой, стареющей женщины. Ибо власть соединена с Любовью. Они с Любимым правят Россией. Как напишет все тот же де Невилль, именно тогда она начинает обдумывать обычное, азиатское – убить юнца. Но европеец Голицын не способен к настоящей борьбе – то есть к крови. Она знает: «свет Васенька» тут не помощник. К счастью, рядом есть мужчина, готовый на все, – глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый...

По ее приказу Шакловитый собирает стрельцов в Кремле. Но опять ничего нового Софья придумать не может. Как и семь лет назад, она объявляет им, что получено подметное письмо – о том, что из Преображенского придут «потешные» войска убивать Софью, Царя Ивана, всех его дочерей и вдову Царя Федора. Нарышкины собрались известить царский род Милославских. Шакловитый призывает стрельцов убить старую медведицу. А если медвежонок захочет вступить – убить и его.

Бегство... на трон

Уже ночью к Петру в Преображенское прискакали из Москвы двое стрельцов – первые перебежчики. Петра разбудили и сообщили о готовящемся убийстве.

Полусонный Петр в панике мигом слетел с постели. Воскресли картины из детства – стрельцы, убивающие родичей. Петр потерялся, обезумел от страха. Забыв о беременной жене и матери, в ночной рубахе он вскочил на лошадь, умчался в лес – прятаться. Там, в лесу, пришел в себя. Туда принесли ему одежду. Он оделся и вспомнил... урок Софьи! И как когда-то Софья, Петр поскакал в монастырь – в главную церковную цитадель Руси, Троице-Сергиеву Лавру. Выбрали точно. Именно здесь, в сердце православия, под защитой главного русского святого Сергия Радонежского, должен спастись истинный Царь.

Петр прискакал в монастырь в 6 утра, испуганный и затравленный. Уедет он оттуда уже всемогущим грозным повелителем необъятной державы...

Вслед за Петром в Лавру днем приехали мать и жена. Вскоре прибыло потешное войско – Преображенский и Семеновский полки, поименованные по названиям сел, где они

стояли... В Лавре по совету матери усердный посетитель Немецкой слободы преобразился в истонного московского Царя. Снял иноземное платье, усердно посещал все церковные службы. И ждал... когда власть сама упадет ему в руки. Она не может не упасть. Петр – «природный Царь», рожденный для трона, а Софья – баба, московская Царевна, рожденная для монастыря.

Правительница становится самозванкой

...И начался торопливый исход бояр в Троице-Сергиеву Лавру – к истинному Царю. Кто не успел, тот опоздал. Уже вскоре Софья не выдержала и отправила к племяннику бояр, потом самого Патриарха Иоакима – просить Петра одуматься, помириться... Бояре возвратились ни с чем. Патриарх Иоаким вообще не вернулся, остался с Царем. Церковь отеклась от Софьи.

Из Лавры полетели строгие указы молодого Царя – прийти к нему всем стрелецким полковникам, с десятью рядовыми от каждого полка. За ослушание – смерть. Торопливо, покорно потянулись стрельцы в Лавру. Тщетно подпишет Софья указы о смертной казни отправившихся в Лавру, тщетно грозил стрельцам Шакловитый. Очень скоро глава Стрелецкого приказа останется без стрельцов.

Уже и в Немецкой слободе появилась царская грамота: ве-

лено всем полкам Иноземного строя в полном вооружении идти в Лавру – к Царю. Генерал Гордон и подполковник Лефорт, которые были так близки с князем Голицыным, повели полки Иноземного строя к молодому другу... Все подчинились царскому приказу.

В завершение Софья не выдержала и... сама отправилась в Лавру на замирение. Но в дороге, у сельца Воздвиженское, где она так удачно казнила князя Хованского, ее ждали гонцы из Лавры. Как возмездие услышала Софья строгий приказ Царя: Петр повелел Царевне (так ее теперь опять величали) немедленно вернуться в Москву и ожидать в Кремле его распоряжений. Правительница покорно возвратилась в Кремль.

В Кремле она получила новый приказ Царя Петра – выдать верного Шакловитого. Она собрала оставшихся стрельцов и держала речь: «Как можно выдавать людей? Они под пыткой оговорают других, людей добрых; девять человек девятьсот оговорают. Злые люди рассорили меня с братом, выдумали какой-то заговор на жизнь младшего царя; из зависти к верной службе Федора Шакловитого, за то, что он день и ночь трудился для государства, очернили его зачинщиком заговора. Я сама хотела уладить дело, поехала к Троице, а брат, по наущению злых советников, не допустил меня к себе... и я воротилась со стыдом... Они ищут головы не Шакловитого, а моей и моего брата Ивана». Она напомнила

стрельцам о щедрых наградах, прошлых и будущих, и закончила: «Не могу поверить, чтобы вы стали мне неверны». Софья продиктовала Шакловитому обращение к народу. В нем вспоминала великую удачу своего семилетнего правления – мир с Польшей, жаловалась на козни Нарышкиных, чинящих насилие над старшим Царем Иваном.

Но разослать не успела. Толпа стрельцов окружила Кремлевский дворец и потребовала исполнить царскую волю – выдать Федьку Шакловитого. И те немногие оставшиеся бояре, сторонники Софьи, умоляли: «Государыня-Царевна, выдай его, иначе все пропадем». Софья согласилась.

Это и был конец ее правления.

Часть 2. Великий преобразователь

Глава 1

Возвращение мужского царствования

Расправа нового царя

Несчастливого Шакловитого привезли в Лавру к Петру. Здесь его зверски пытали, приговорили четвертовать. Напротив Лавры у большой дороги поставили эшафот и на нем исполнили царскую милость – вместо четвертования отрубили Шакловитому голову...

Вскоре в Лавру явился с повинной «свет Васенька» – князь Василий Голицын. К его счастью, все это время рядом с Петром был и поддерживал его князь Борис Голицын – двоюродный брат князя Василия. Только это спасло фаворита от казни. Князя Василия всего лишь (!) лишили боярства и состояния и отправили нищим с семейством на Север в острог.

Но Софья не забыла возлюбленного. В дороге его догнал гонец с письмом от нее и деньгами.

В это время старший Царь Иван, забытый всеми, перепуганный, беспомощный, сидел в Кремле. Но Петр послал ему милостивую грамоту: «А теперь, Государь братец, настоеит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим... Срамно, Государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас... К тому же еще и царским венцом для конечной нашей обиды хотела венчатца... А я тебя, Государя брата, яко отца почитать готов».

«Зазорно» – очень емкое слово. Означает «постыдно, достойно осуждения, безнравственно». Зазорно женщине вместе с мужчинами творить мужскую работу, зазорно мужчинам находиться в ее воле. Так определила Московия словами молодого Петра правление женщины.

Грамота брата совершенно успокоила Ивана, и о сестре Софье он более не вспоминал.

Никакой правительницы Софьи на Руси не было

В это время «зазорному лицу», как теперь именовали вчерашнюю правительницу, велено было переселиться из Кремля в Новодевичий монастырь. Ее имя исключалось из всех государственных актов. «Зазорной» правительницы более не существовало. Софью вернули в положенную Царевне монастырскую келью – в Новодевичий монастырь.

Из Новодевичьего монастыря бывшая правительница будет наблюдать за новой жизнью и реформами, о которых так любил мечтать находившийся теперь в бессрочной ссылке, в далеком Каргополе, возлюбленный «свет Васенька» Голицын. Эту новую жизнь тотчас начал строить Петр.

Софье рассказывали об этой странной жизни посещавшие ее сестры...

Взгляд на племянника из монастыря

Племянник оказался воинственен – сразу же продолжил движение на юг, как мечтали они со «свет Васенькой». Петр начал войну с Турцией – пошел на турецкую крепость Азов.

Оба Азовских похода возглавили два друга Васеньки – швейцарец Лефорт и генерал Гордон. Еще вчера они ходили на Крым с «любимым свет-Васенькой». Со злорадством узнала Софья о неудаче под Азовом... Но упрямый молодой Царь отправился во второй поход и в отличие от Васеньки успеха добился – отбил у турок крепость.

Однако без крымских портов Черное море для России оставалось закрытым... Петр помнил неудачи Голицына и идти в Крым не решился.

Сестры рассказывали Софье о скандальных похождениях Петра в Немецкой слободе. В «адовой, проклятой Богом

слободе», вновь обрядившись в басурманское платье, дневал и ночевал православный Царь! Пил и веселился с немцами. Возглавлял попойки все тот же полковник Франц Лефорт.

Софья ненавидела Лефорта. Сколько благодеяний получил от них женевец и все равно изменил! «Бережливый Царь, – рассказывала Софье сестра, – не скупился на подарки своему любимцу. Выстроил Лефорту сказочный дворец с парком и крепостными крестьянами, там у них с утра до ночи пиры да маскарады...»

Сам Лефорт в письме на родину описал азиатскую роскошь дворца. Полторы тысячи гостей пьяно и буйно праздновали новоселье... Правда, подаренных Царем крепостных Лефорт тотчас отпустил на свободу. Но другие иностранцы, валом валившие на Русь, в дверь, распахнутую для них Петром, жалованных Царем крепостных рабов не отпускали...

«Народ этот... только в рабстве богат и счастлив»

Как чувствовали себя европейцы, граждане просвещенных монархий и европейских республик (каковыми были Голландия и Швейцария) в стране беспощадного рабства, скотского существования большей части населения? Ответ дал голландский купец Исаак Масса, посетивший Россию в начале XVII века и написавший знаменитое «Краткое изве-

стие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г...». Читаем слова Исаака Массы у историка Костомарова: «...такой царь [как Иван Грозный. – Э. Р.] нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью владыки и только в рабстве он богат и счастлив».

Жизнь на Руси нравилась иноземцам. Здесь добрые владыки давали европейским пришельцам небывалое на их родине право – жить всесильными господами бессловесных рабов, не заботясь о законах... божеских и человеческих. И многие из них, как и Масса, предпочитали верить, что жизнь в рабском труде желанна населению и является здесь единственно возможной и нормальной. Это успокаивало совесть.

Кукуйская царица

Сестры рассказали Софье и о постыдных сердечных делах нового Царя. В Немецкой слободе он нашел свою полюбовницу. Это была Анна Монс, дочь немца, ремесленника. То есть она была «подлого сословия» и к тому же лютеранка! С ней спал православный Царь-батюшка. Блудодействовал при живой жене-красавице, которую Петр теперь видеть не желал. Ни ее, ни рожденного ею сына Алексея. Патриарх и мать пытались говорить с ним. Тщетно! В бешенстве прогнал прочь. Уже всем известно: страшен в гневе новый царь. Лучше молчать!

«Кукуйская царица» – так прозвал народ пышногрудую красавицу немку Монсиху. И скупой Царь, считающий каждую копейку, все деньги тратящий на войну, на свои полки, выстроил для Анны в Немецкой слободе целый дворец в два этажа. И выплачивал немке и ее матери ежегодный пенсион.

Самодержец

Две смерти поставили крест на прошлом Софьи. В 1694 году умерла мать Петра Царица Наталья... Мать и сын плохо понимали друг друга. Но Софья знала: только мать могла хоть изредка унять его, образумить. Теперь над Петром не был властен никто! А в 1696 году рухнула последняя надежда Софьи – скончался брат, Царь Иван. Уходила в прошлое древняя Московия. Двоевластие, хоть и формальное, с этой смертью закончилось. Страной правил он один – самодержавный Царь Петр.

В это время Петр окончательно обговорил с Лефортом великую идею. Он решил отправиться за границу – посмотреть мир, о котором столько слышал в Слободе. Захотел сам увидеть и, главное, изучить новейшие технические достижения Европы. Прежде он отправлял за границу учиться дворянских детей. Теперь решил ехать и учиться сам...

Призрак стрелецкого бунта

Но накануне отъезда, в феврале наступившего 1697 года, произошло грозное событие. Петру донесли, что составлен заговор, во главе которого – хорошо знакомый ему стрелецкий подполковник Иван Циклер...

Циклер, сын иноземца на русской службе, дослужился в стрелецких войсках до звания подполковника. Был одним из самых приближенных людей правительницы Софьи и ее дяди Ивана Милославского. Но, поняв, что их дело проиграно, предал Милославских и переметнулся к Петру. Циклер и сообщил Петру о замысле Софьи убить его, за что получил воеводство и звание думного дворянина.

Но Петр не забывал его прежнюю службу. Царь не умел прощать. И вскоре Циклера отослали (точнее – сослали) наблюдать за строением крепостей в Азовском море... За эту почетную ссылку Циклер в долгу не остался. Он составил заговор.

Но умел предавать не только Циклер. Двое стрельцов, прознавших о заговоре, прокричали «Слово и дело Государево» и были немедленно доставлены в Преображенский приказ.

Царство кнута: «Слово и дело государево»

Преображенский приказ! Вначале это была просто канцелярия Петра – просторная изба для управления первыми потешными полками в селе Преображенском.

Но Петр стал самодержцем. И у этого приказа тотчас появились функции тайной полиции. В Преображенском приказе начали действовать тюрьма и пыточные камеры. Тюрьма представляла из себя попросту ямы, в которые сажали преступников. Тюремная яма в народе называлась «бедой». Отсюда и выражение – «попасть в беду». Такие «ямы-беды» были и в крепостных башнях Кремля...

Преображенский приказ стал при Петре главным учреждением, расследующим политические дела и важные преступления, задуманные против Государя: оскорбление царской особы, измена, замысел против здоровья и чести Царя. Подданный, желающий донести об этих преступлениях, выкрикивал: «Слово и дело Государево!» – и его тотчас доставляли в Преображенский приказ вместе с обвиненным. Попав туда, обвиненный уже не мог избежать пытки. Пытка считалась самым верным средством узнать правду – виновен человек или его оговорили. Пытали долго и умело. После усердного битья кнутом на пытаемого накладывали окровав-

ленную шкуру овцы – верили, что она исцеляет. После чего пытка продолжалась.

Конец заговора

Доставленные в приказ доносчики рассказали, что Циклер и его сообщники решили поджечь дом Петра и во время пожара убить его. И сейчас они совещаются...

Выслушав доносчиков, Петр сам направился в дом, где собрались участники заговора. Внезапное появление Государя потрясло заговорщиков. Царь арестовал Циклера и всех собравшихся. Прямо из дома их повезли в Преображенский приказ.

В приказе заправлял князь Федор Ромодановский, отца и брата которого зверски убили стрельцы во время Стрелецкого бунта. Он достойно встретил стрельцов-заговорщиков. Все прелести пытки узнали арестованные, все кости переломали им на дыбе. Во время пыток умный Циклер рассказал то, ради чего его так усердно пытали, то, что так хотел услышать Петр: «В дни своего правления Царевна Софья и ее родственник Иван Милославский уговаривали Циклера убить Царя».

Благодарности за признание Циклер не дождался. Его приговорили к четвертованию.

Покойника везут свиньи

Донос Петр использовал тотчас. С радостью дал волю гневу. Варварски отомстил Софье и покойным Милославским за убиенных дядьев Нарышкиных...

Он приказал вырыть из могилы гроб дяди Софьи – князя Ивана Михайловича Милославского, на свиньях, впряженных в телегу, повелел везти гроб в Преображенское к эшафоту, где должны были казнить заговорщиков. Разбили крышку и открытый гроб поставили под эшафотом... Кровь четвертованных Циклера и его сподвижников лилась на труп князя Ивана Милославского, родственника Царей... Надругался Петр над дядей Софьи!

Но опасно оскорблять такую женщину! Видимо, именно тогда, узнав о злодействе, Софья решилась действовать – несмотря ни на что!

Гнать страну в будущее – сапогом

Но действовать было ох как опасно! Ибо на троне – истинный Царь, то есть беспощадный самодержец.

Вот он идет по дворцу... Двухметровый гигант с маленькой круглой головой и с кошачьими усиками. Мощный торс на очень тонких, длинных ногах. Он перебирает ногами с

ужасающей быстротой – он весь в стремительном движении, будто шаровая молния. Сподвижники на прогулке вынуждены бежать за ним. Они будут бежать так до его смерти. И так же, с трудом поспевая, изнемогая, будет бежать за ним страна... Дремотную Московию он станет превращать в Европу. Но в Европу Восточную, где просвещение, реформы, чужеземные обычаи вводятся сразу – приказами, то есть насилием, а иногда ценой множества жизней...

Осталась прижизненная восковая маска Петра. Даже эта безглазая маска хранит его постоянную болезненную ярость. Чудовищная судорога часто искажала его странно смуглое лицо, заставляя трепетать окружающих. Прыгала бородавка на царской щеке, прыгала и дубинка в длинных руках царя. Петр – европеец, но европеец... азиатский! Азиатский европеец лично лупит дубинкой своих вельмож. Часто ошибочно, сгоряча. Но справедливый Петр охотно признает свои ошибки. Успокаивает избитого, полуживого вельможу: «Когда в следующий раз буду бить за новое дело, напомни мне: «Я свое уже получил». Царь верит в пословицу: *«Наши человек – как вобла: пока не побьешь – никуда не годится»*.

Угрозы сыпятся на поданных... И когда не исполняют его приказы («не медля» и «тотчас»), он грозит: «Напишу на спине». (Постоянные приказы с угрозами расстрелов будет писать другой революционер – Владимир Ульянов-Ленин). Сапогом под зад гнал Петр нашего Обломова в Европу.

У Достоевского есть описание того, как фельдъегери ведут царские указы по необъятной стране. Ямщик сидит на облучке, песней заливается, а фельдъегерь его сзади кулаком по затылку – хрясть! И ямщик тотчас кнутом передает удар лошадям, и быстрее бежит тройка. Но фельдъегерь, будто разум у ямщика выбивая, – «Бац! Бац!» – по голове кулаком. И покорный, безответный ямщик с той же яростью обрушивает кнут на несчастных лошадей. И вот уже летит вперед иссеченная плетью тройка. Ставшая от постоянных беспощадных побоев воистину стремительной птицей...

«Птицей-тройкой» назвал Россию Гоголь.

Именно так гнали вперед нашу птицу-тройку великие реформаторы – кровавый Царь Иван Грозный и кровавый Царь-просветитель Петр Великий.

Освоение Европы урядником Михайловым

Узнав от сестер о готовящемся Великом посольстве, Софья приготовилась. Она возлагала большие надежды на его отъезд.

Возлагал большие надежды на это путешествие и сам

Петр. Знакомясь со старой Европой, он хотел ее познакомить с новой Россией, которую задумал создать. Он расскажет о победоносном Азовском походе и предложит укрепить Священную лигу против Турции... Но Турция – потом. Сейчас направление главного удара изменилось. Юг, Турция – это та же Азия. Она нужна Петру, но завтра. Сегодня важнее всего открыть окно в Европу. И потому – «марш на Запад», в Прибалтику. Она – окно в Европу. Там – благословенное море, соединяющее европейские страны.

Но в это время в Прибалтике заправляла могущественная Швеция. В результате победоносных войн шведы господствовали на Балтике. Дания с Норвегией, Саксонский и польский король Август жаждали остановить шведскую агрессию. О том же думали пруссаки и англичане... Обстановка сейчас благоприятствовала нападению – в Швеции на престол вступил совсем юный король Карл Двенадцатый...

И Петр был готов присоединиться к антишведскому союзу. Северная война стояла на пороге.

С такими идеями «Великое посольство» (так оно именовалось) выехало из Москвы. Один из главных его руководителей – конечно же, ближайший царский друг, Франц Лефорт.

В составе посольства – урядник Петр Михайлов. Так именовал себя Царь.

Опасная тетка

Но, уезжая, Петр не забыл о Софье. Он знал себя и потому хорошо знал родственницу. Не выдержит, бросится, как только он уедет. Петр усилил караул у Новодевичьего монастыря. Теперь Софью стерегли солдаты его потешных полков, Преображенского и Семеновского. Те, над кем хозяйничала когда-то потешалась...

На сломе века, с 1700 года, оба полка будут именоваться лейб-гвардейскими и станут отборной, привилегированной частью армии Империи.

Москву Царь оставил на боярина Федора Ромодановского с его пыточным Преображенским приказом и вечной ненавистью к стрельцам, погубившим отца и брата. Ему в поддержку были даны боярин Шеин, первый русский генералиссимус (он получил это высшее звание за взятие Азова) с русскими войсками и генерал Гордон с полками Иноземного строя.

Путешествие преобразователя

Царь поразил Европу любознательностью и фантастическими способностями. Его интересовало все. Он жадно учился, освоив множество профессий. Он – пушкарь, боцман, кузнец, токарь, оружейных дел мастер, он изготавливал

фейерверки и проектировал ветряные мельницы. Он изучил технику гравировки (сам гравировал картину «Торжество Христианства над исламом»), научился бальзамировать трупы и пытался освоить мастерство хирурга...

Искусство августейшего хирурга приводило в трепет придворных. Они скрывали от него свои болезни. Царь, узнавая о них, моментально спешил к больному со своими инструментами... Петр любил посещать анатомический театр. Увидев там отвращение на лицах вельмож, он повелевал им рвать мускулы у трупов. Погибая от ужаса и отвращения, рвали. Когда палач отрубил голову его прежней возлюбленной Марии Гамильтон, Царь взял окровавленную голову красавицы из рук палача и на ней преподавал присутствовавшим на казни вельможам урок анатомии...

Но главным его занятием стало плотницкое ремесло. Царь, искусно владевший топором, без усталости работал на голландских верфях, где начали строить корабли для России.

Европа как образцовая фабрика

Так Петр очно встретился с Европой.

Но царя интересовала лишь одна сторона европейской цивилизации – передовые технологии. Наш знаменитый историк Ключевский писал: «Забирая европейскую технику, он

был равнодушен к жизни людей Западной Европы. Европа была для него образцовой фабрикой и мастерской. Понятия, чувства, общественные и политические отношения людей, на которых работала эта мастерская, он считал делом посторонним для России. Осмотрев множество достопримечательностей в Лондоне, он только раз заглянул в парламент». Да и то смотрел с крыши через стекло. Как пошутил современник: «Сегодня видел сразу двух повелителей – короля в зале, царя на крыше».

В «Записных книжках», писавшихся им для себя, Ключевский подытожил: «Петр, по-видимому, думал, что Россию с Европой связывает временная потребность в промышленной технике, которая там процветала. И по удовлетворении потребностей эта связь разрывалась. По крайней мере предание сохранило слова, сказанные Петром... «Европа нужна нам еще на несколько десятков лет, а там мы можем повернуться к ней спиной».

Так что западником Петр был своеобразным.

И снова стрельцкий бунт

Но путешествие по Европе Царю пришлось прервать. Как и предполагал Петр, после его отъезда началось. .

При новом порядке стрельцы перестали быть надворной

пехотой, лишились привилегий. Взамен им дана была тяжелая служба – охранять границы Государства. И стрельцы в отсутствие молодого Царя вспомнили былое. Они привычно начали бунтовать, потребовали отпустить их со службы в Москву – к семьям и на заработки. Но начальство, получившее инструкции от Царя, было глухо к их требованиям.

Стрельцы ли снеслись с Софьей или Софья сама снеслась со стрельцами? Так или иначе, но она узнала о брожениях в стрелецком войске и решилась: пора!

Уже вскоре стрелецкий полковник Маслов, вставши на телегу, читал ее письмо. Софья звала стрельцов идти на Москву: «А если солдаты преградят путь на Москву – биться с ними до победы! После чего встать у стен Лавры и просить Царевну вернуться на державство». Стрельцы всё исполнили. Написали челобитную Софье, просили ее взять обратно державу. И двинулись к столице.

В Москве началась паника... На пути стрельцов встали войска генералиссимуса Шеина и генерала Гордона. Выставили пушки и начали уговаривать стрельцов разойтись, выдав зачинщиков. Но мятежники приготовились к бою... Однако боя не было. После первых же пушечных залпов стрельцы побежали.

Шеин быстро провел следствие. Зачинщиков пытали и казнили. Правда, доказательств участия в бунте Софьи Шеин не получил, да и не старался получить. Он не хотел пре-

следовать вчерашнюю правительницу. Дело Шеин считал законченным. Однако глава пыточного Преображенского приказа князь Ромодановский имел все основания думать совсем иначе. Он знал Петра – Царю нужна была Софья.

Еще шло следствие Шеина, когда Петр, прибывший в Вену, получил сообщение Федора Ромодановского о Стрелецком бунте. Петр понял: долгожданный момент наступил. Теперь он сможет расплатиться за все ужасы детства. «Это их семья... семья Милославских...» – написал он Ромодановскому. Князь понял: это приказ.

«Мин херц» Алексашка

Петр прервал венские встречи, и царские кучера, загоняя лошадей, понеслись в Москву. Вместе с Царем в карете был его новый странный друг – Александр Меншиков. Молодой человек самого подлого звания, вчерашний продавец пирогов, с которым Царь неразлучен...

Алексашка (как всю жизнь звал его Петр) родился в великий век, когда путь из лачуги во дворец был порой так же короток, как и путь из дворца обратно в лачугу. Все это продемонстрировал Меншиков своею судьбою. Он возглавляет целую когорту всесильных фаворитов, которыми будет славен наступавший XVIII галантный век. Но из этой пестрой когорты только он и Потемкин оставят воистину вели-

кий след в истории Государства.

В жизни Петра Меншиков появился совсем молоденьким, тринадцатилетним высоким мальчуганом. Отец Алексашки был одним из многочисленных конюхов юного Петра – из них царь и набрал свое детское потешное войско. Платили гроши, на жизнь не хватало. И новоиспеченный воин отправил на заработки своего сына. Алексашка на улице торговал пирогами. На улице его и увидел тогдашний царский любимец Лефорт. Он понимал людей. Рослый красивый мальчуган с хитрыми, умными глазами, весело, с прибаутками продававший пироги, был тотчас взят им на службу. Алексашка светился здоровьем, веселой жизнерадостностью, но острый нос-клюв и волевой подбородок выдавали хищника.

(Впоследствии Меншиков очень старался исправить свое незавидное происхождение. Литовское дворянство дало ему грамоту о происхождении из старинного дворянского литовского рода. Не вышло! Русское боярство никогда не забывало, кто он такой – хундоронный Алексашка Меншиков...)

Лефорт верно оценил способности мальчишки. Меншиков быстро усваивал суть всякого нового дела, не гнушался никакой работой, и главное – не знал невозможного. Швейцарец понял: не худо бы ему иметь при Государе именно такого «своего человека». И рекомендовал юношу Петру.

С тех пор Меншиков – царский денщик, должность исключительно важная. Он слуга и телохранитель и, что суще-

ственно, — весь день на глазах у повелителя. Денщиков у царя много, но Меншиков сразу занял особое место. Он умел служить, то есть не только исполнять повеления, но предугадывать их.

Постепенно он становится «альтер-эго» Петра. Он при Царе неотступно. Когда Петр, узнав о смертоубийстве, задуманном Софьей, бросился в ночной рубашке в лес, одежду принес ему верный Алексашка. Он успокоил повелителя, он поскакал с ним в Троице-Сергиеву Лавру.

Странные отношения с Петром

До наших дней дошла сплетня того века, которая заставила размышлять даже серьезных историков, — будто Петр бисексуал и делил постель со своим фаворитом. Во всяком случае, в народе возвышение Меншикова приписывалось преступным, по тогдашнему закону, отношениям с Государем. За распространение слухов «о блудном их житье» были арестованы богатый купец Гаврила Никитин и каптенармус Преображенского полка Владимир Бояркинский.

Чтобы прекратить слухи, Петр показал себя гонителем гомосексуализма. Он установил строжайшее наказание за мужеложество в России — кнут и вечную каторгу. Но исполнять строгости не хотел. Гвардейского капитана, заявлявшего, что «Государь живет с Меншиковым бл***ким образом», всего лишь выслали в дальний батальон.

Одна из причин серьезного отношения историков к этой версии – письма Петра к Меншикову. В них – постоянные нежнейшие обращения царя к вчерашнему денщику: «мин херц» («сердце мое»), «мой лучший друг», «мой любимейший товарищ», «брат мой»... Заболев, Петр пишет Меншикову: «...я терпел долго, а более уже не могу, как болезнь мне тоска разлучения с тобою». Подобных писем Петр не писал никому из мужчин...

Да и письма Меншикова к Петру ничем не напоминают принятые в России обращения подданного к Государю. Алексашка смеет не употреблять в них слово «Величество», предпочитая величать Петра тем чином, который Царь в это время присвоил себе по службе, – капитан, полковник. Но что еще удивительнее, докладывая о своих распоряжениях, Меншиков никогда не пишет обязательное «по твоему указу, Государь», «по твоему повелению, Государь», а просто говорит: «поступил так-то и так-то». Меншиков не подписывается, подобно другим сановникам, «Ваш холоп» или «Ваш раб». К примеру, фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, один из родовитейших сподвижников Петра, ставил под своими письмами к Царю подпись: «Ваш холоп Бориско». И другие знатнейшие подписывались по тем же правилам: «наиподданнейший раб твой». Все в стране – рабы и холопы царские. Но безродный Меншиков подписывает письма просто: «А. Меншиков».

Француз Вильбоа (о мемуарах которого мы еще погово-

рим) определенно пишет, что «Петр с юности ночевал с денщиками, и Меншиков стал одним из них, но самым любимым». «[Петр] ... являлся настоящим чудовищем сладострастия. Он был подвержен, если можно так выразиться, приступам любовной ярости, во время которых он не разбирает пола».

О денщиках Петра уточним. Царь действительно ночевал со своими денщиками... Но секс, видимо, был тут ни при чем. Как писал современник, Петр боялся, что во сне случится приступ его нервной болезни (возможно, он страдал эпилепсией). И потому спал с денщиками, положив им руки на плечи.

Впрочем, гомосексуалистами в том веке были самые блестящие монархи – великие полководцы король Пруссии Фридрих и король Швеции Карл XII, а также шведский король Густав III и Вильгельм III, правитель Нидерландов, король Англии и Шотландии...

Конец Московии: финал сакральной бороды

Итак, примчавшись в столицу, Царь вызвал в Преображенское знатнейших бояр. Он принял их в чужом, иноземном, камзоле. Лицо православного Царя тоже было незнакомое, бритое, над губой торчали острые усики. Сидел Царь мрачный, страшный. Нервная судорога пугающе искажала

молодое лицо. Воскрес Иван Васильевич Грозный! Бояре почувствовали грозу...

Петр сразу объявил: «Бунт затеяло семя Ивана Милославского». И повелел боярам «разведать всю правду». Тут умные поняли, почему не позвал Царь на встречу любимого прежде боярина Шеина. В немилости будет генералиссимус до конца своих дней, ведь не допытал, не выбил из стрельцов угодное Петру – участие в бунте ненавистой Царевны Софьи.

Далее произошло страшное, невиданное. Царь взял в руки огромные ножницы и, с усмешкой подзвав к себе одного из бояр, отхватил у него благословенную бороду! Потом поминал другого обладателя пышнейшей бороды. Но тут его ножницам справиться оказалось не под силу, и Царь обошелся с ним еще страшнее – под гогот присутствовавшего Алексаши Меншикова отрубил бороду топором.

Так началось всероссийское брадобритие. Но это были не просто бороды, а бороды сакральные. Безбородых на Руси не благословлял священник. Бородатые святые глядели с древних икон. Борода – это святая отеческая старина.

Валялись в ногах Царя старые бояре, просили не позорить, ведь до смерти уже недалеко. Умоляли, плакали, но противиться не смели – помнили о царском топоре и о «святой царской воле». Вскоре по всей стране в церквах читали

указ о брадобритии, и команды солдат отправились по земле Русской резать священные бороды. Бороды были обложены огромным штрафом. Но страшнее потери денег был царский гнев. И были случаи, когда, не смея ослушаться, обладатели бород кончали с собой...

Право носить желанные бороды Царь-насмешник оставил крепостным рабам, священникам и крестьянам. С тех пор всех их Петр презрительно звал бородачами и говорил, что «бородачи многому злу корень... Отец мой имел дело с одним бородачом [имея в виду мятежного Патриарха Никона. – Э. Р.], а я с тысячами».

Так начиналось преобразование страны.

Постригши бороды, царь принялся за головы

По приказу Петра Ромодановский возобновил следствие о бунте... Теперь главным следователем стал Царь! В Преображенский приказ начали свозить стрельцов – участников мятежа.

День и ночь курились костры в Преображенском. В полутора десятках пыточных застенков арестованным стрельцам беспощадно ломали суставы, прикладывали к коже раскаленные угли, поджаривали. Застенками заведовали бояре,

назначенные Петром. Сам Государь присутствовал – следил, усердны ли бояре.

Смертельно боясь огромного, непонятного Царя, бояре всю усердствовали. Старались добиться желанного царем – показаний об участии Софьи в бунте.

Но стрельцы сознавались лишь в том, что подали Софье челобитную с просьбой принять власть... Попытки усилили. Только тогда стрельцы не выдержали – рассказали о письме к ним Софьи...

Допрошенная в монастыре Софья свое участие отрицала. Попытать вчерашнюю повелительницу Петр не осмелился. Так что пора было закончить расправу и устроить главное представление.

Стрелецкая казнь

Перед казнью в Преображенское приехал Патриарх Адриан со святой иконой (Патриарх Иоаким умер в 1690 году). Как и положено пастырю, Адриан просил о милосердии к заблудшим. Петр велел Патриарху отправиться восвояси, икону поставить на место и не мешать Царю исполнять его трудную работу – казнить преступников.

Началась расправа. Палачи, а вместе с ними Царь с боярами (так приказал Петр) рубили головы стрельцам. Царь показал пример – лично отрубил головы пятерым. Бояре тоже

старались, демонстрировали кровавое усердие. Но им было далеко до царского любимца Меншикова. По собственному признанию Алексашки, он обезглавил двадцать несчастных, а одного, распятого на колесе и долго не умиравшего, пристрелил из ружья, прекратив муку...

Царь милостиво предложил другому своему любимцу, Лефорту, поучаствовать в мужской забаве. Но участник петровских потех в этой затее участвовать отказался.

Из села Преображенского представление перенесли в Москву. И потянулись на Красную площадь крестьянские телеги, в которых сидели стрельцы с горящими поминальными свечами в руках... За телегами, вопя, бежали жены, матери, дети. В присутствии огромной толпы на Красной площади рубили головы стрельцам.

Весь октябрь 1698 года бесконечной чередой поднимались на эшафот стрельцы. Троих, сознавшихся после нечеловеческих пыток в том, что писали челобитную Софье с просьбой взять власть, Царь повелел отправить в Новодевичий монастырь. Под окном Софьи этих челобитчиков и повесили. Один, висевший в центре, держал привязанную к мертвым рукам преступную челобитную.

Долго они висели. Долго вчерашняя правительница не смела подойти к окну.

Вдоль каменной стены Новодевичьего монастыря второй стеною висели две сотни повешенных стрельцов.

Жизнь в монастыре

По приказу Царя в Новодевичьем монастыре Софью постригли в монахини. Ее родным сестрам запрещено было навещать монахиню Сусанну. Только на Пасху и в храмовый праздник монастыря Царевны имели право повидать сестру.

В те немногие встречи Софье приходилось узнавать о многом. Узнавала она новости и от прислужницы, которая шепотом величала Петра Антихристом. Вал событий обрушил на страну новый Царь. Покойный Патриарх Иоаким запрещал носить иноземную одежду. Царь объявил свой закон: нельзя носить одежду дедовскую, велел сбросить прежнее платье, в котором ходили отцы. В камзолы втискивали свои тела дородные бояре. Величественные старинные одежды было велено резать солдатам, если кто посмеет их носить. И резали!

Новая феминистская революция

Потом Петр принялся за женщин. Повелел, чтоб в теремах повесили зеркала. В строившихся новых боярских дворцах никаких теремов теперь не было. Боярыням предписывалось сбросить любимые телогреи и одеться в европейское платье. Оделись...

Груды вываливались из корсажей, пышные юбки коло-

колом скрывали толстые бедра – обожаемое на Руси обилие женской плоти. Беспощадная шнуровка и крепкие мушкетеры крепостной служанки создавали новомодную фигуру боярынь... Обычная сцена: самая дюжая крепостная девка, упершись ногой в жирную спину хозяйки, беспощадно затягивает шнуровку на талии вчерашней затворницы. Красавица теперь должна быть пышногрудой и с тонкой талией. Кто более несчастен – обессиленная служанка или еле дышащая в корсете госпожа?

Варварские ассамблеи

Рассказали Софье сестры о новых обычаях. Вечером вместо молитвы и покойного сна мужьям приказано везти жен на бесовские ассамблеи – балы, где боярыни пляшут, как ведьмы. И пьют вместе с мужчинами. Попробуй не привези! На этих дьявольских сборищах назначенный Петром «царь бала» граф Ягужинский (из новых, худородных людей) ведет список не пришедших. Но Ягужинский не только балами заведует. Он генерал-прокурор – око Государево. Не приди боярин на бал – в особую книгу запишет. И жди тогда царского гнева! Но коли пришел – пляши! Не умеешь – учись или пляши, как умеешь. Потому как худородный граф Ягужинский безумен в танцах. Как и сам Царь. Танцы часто длятся до утра. Только когда Царь устанет отплясывать, заканчивается ассамблея.

И вот наконец Петр удаляется. Радостно вздыхают истомленные бояре («вельможи» – так их теперь принято называть). Только приготовились отправиться по домам, глядь – Царь возвращается! Объявляет, что по пути понял: недоплясал. И бояре продолжают веселье, и с ними отплясывают жены – вчерашние теремные затворницы.

Но на ассамблеях не только танцуют. Там смертно пьют вместе с молодым Царем. И кто-то после ассамблеи отправляется под стол, а кто-то и в могилу. Что делать, хочешь быть у Государя в фаворе – учись плясать и смертно пить.

Более того, ассамблеи – эти пьяные танцульки – соседствовали с неким удивительным сборищем знатнейших вельмож...

Всешутейший, всепьянейший и воистину – сумасброднейший собор

«Царь Петька», или «Антихрист», как его часто звали в народе, после этих таинственных сборищ устраивал шествие участников Собора. Люди, глядя на это шествие, возглавляемое грозным Царем, только испуганно крестились...

Молодой Петр создал этакую раблезианскую пародию на религию – на православие и на католичество – Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший Собор.

Собор возглавлял князь-папа, которого выбирали карди-

налы. Иногда папа носил титул патриарха – тогда его выбирали архиепископы (прежние кардиналы). Выборы сопровождались «шутейными церемониями».

Помня легенду о женщине, ставшей Папой, у избранного проверяли половой орган. «**й» – наше любимое народное слово, мы найдем в именах элиты Собора: «Пахом, пихай **й Михайлов» – это царь. «Изымай **й» – это сводный брат царя, незаконный сын «Тишайшего» Мусин-Пушкин... Был и «Почини **й» и прочие.

После проверки новоизбранного Папу сажали в чан, полный пива и вина, а участники – вельможная элита, раздевшись догола, пили это зелье из чана, где плавал голый избранник и спяну мочился. Роль шутовского князь-папы и Патриарха исполнял русский Вакх – полоумный от постоянного пьянства бывший учитель малолетнего Петра стопудовый Никита Зотов... Сам Петр всего лишь служка в этом Соборе – смиреннейший протодиакон Пахом Пихай**й Михайлов.

Матерный язык – язык Собора... Все только им и разговаривали. В Соборе рождалось постыдное словесное ожерелье – «Большой и Малый Загибы», состоящие из одних матерных слов. Большой загиб состоял из 360 бранных слов... «Мать твою ***ть поперек **пы, грушу тебе в ***ду, гвоздь под...****ок и ведьму в **пу и т. д.

Во времена Сталина, почитателя Петра, русский писатель граф Алексей Толстой («красный граф», как его называли в СССР) был знаменит тем, что мог повторить малый матерный загиб. И обожавший мат Сталин высоко ценил это искусство.

«Царь Петька», или «Антихрист», как его теперь часто звали в народе, после окончания заседания Собора обычно устраивал шествие его участников. И люди, глядя на шествия с трудом держащихся на ногах соборян, возглавляемых грозным царем, только испуганно крестились.

К мужскому Собору примыкал женский Сумасброднейший монастырь, куда входили дамы из знатнейших фамилий. Они называли себя «мона***нями». И так же непотребно выбирали игуменью, и так же матерились и смертно пили. В результате все будущие императрицы в XVIII веке (кроме Екатерины II) замечательно ругались, причем самыми постыдными словами.

Герцен писал, что допетровская Россия преобразилась в новую Россию через публичный дом.

Пьянство на ассамблеях и в Соборе требовало отменного здоровья. От пьянства, «столь великого, что невозможно описать... многим случалось от того умирать», – вспоминал современник, князь Куракин. Уцелевшие после встреч «с Ивашкой Хмельницким», как именовал попойки Петр,

порой болели по несколько дней. Но сам Государь после заседаний Собора поутру просыпался свежим, бодрым и как ни в чем не бывало принимался за работу.

К сожалению, в России, как печально отмечал Чаадаев, «новые идеи выметают старые, так как они не вытекают из них, а сваливаются на нас неизвестно откуда». Так было и в петровское время. Еще вчера – добродетельная до изуверства жизнь, похожая на монастырь, а уже нынче приказал Царь – и тотчас наступила жизнь, похожая на пьяный бордель.

Впрочем, многие историки видят в этом своеобразном шутействе-сумасбродстве серьезнейший смысл – этакий скрытый тест на верность Царю. В пьянке, распутстве, издевательствах над религией Петр как бы объединил самых верных соратников, готовых предать все прежние идеалы и потешаться над прежними святынями, если так велит Царь. Недаром шутейную власть в Соборе делит с «папой» Зотовым человек совсем не шутейный – боярин Федор Ромодановский, при упоминании имени которого бледнеют люди. В Соборе он носит почетнейший титул – князь-кесарь. Вместе с ним в Соборе незримо присутствует весь Преображенский приказ – тайная полиция с пыточными камерами, палачами с плетями, которыми он и руководит. Ромодановский единственный имеет право входить к Царю в любой час дня и ночи... Так что перепившиеся члены Собора должны были

очень внимательно следить за своим языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.